

XXIV 320
59

Контрольные экземпляры

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
КАРАКАЛПАКСКИЙ ФИЛИАЛ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. Н. ДАВКАРАЕВА

АРХЕОЛОГИЯ ПРИАРАЛЬЯ

Вып. III

Ответственные редакторы:
академик АН УзССР С. К. Камалов,
кандидат исторических наук В. Н. Ягодина

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР
1986

ТОПРАК-КАЛА ШАВАТСКАЯ
(раскопки 1979—1980 гг.)

Городище Топрак-кала расположено в 40 км к северо-западу от г. Ургенча, на территории сельсовета Чукли Шаватского района Хорезмской области, открыто и нанесено на археологическую карту во время маршрутных работ Узбекским этнографическим отрядом Хорезмской экспедиции АН СССР в 1958—1960 гг. [1, с. 22]. В 1973 г. городище было обследовано Хорезмским археологическим экспедиционным отрядом Каракалпакского филиала АН УзССР, которым был снят схематический план памятника, составлено его описание и произведен сбор подъемного материала [2, с. 483]. В 1979—1980 гг. памятник обследовался Шаватским отрядом Института истории, языка и литературы им. Давкараева Каракалпакского филиала АН УзССР. Итогам этих исследований посвящена настоящая публикация.

Городище имеет круглую в плане форму (рис. 1). Его диаметр около 260 м, а общая площадь города внутри стен — около 4 га. Стены

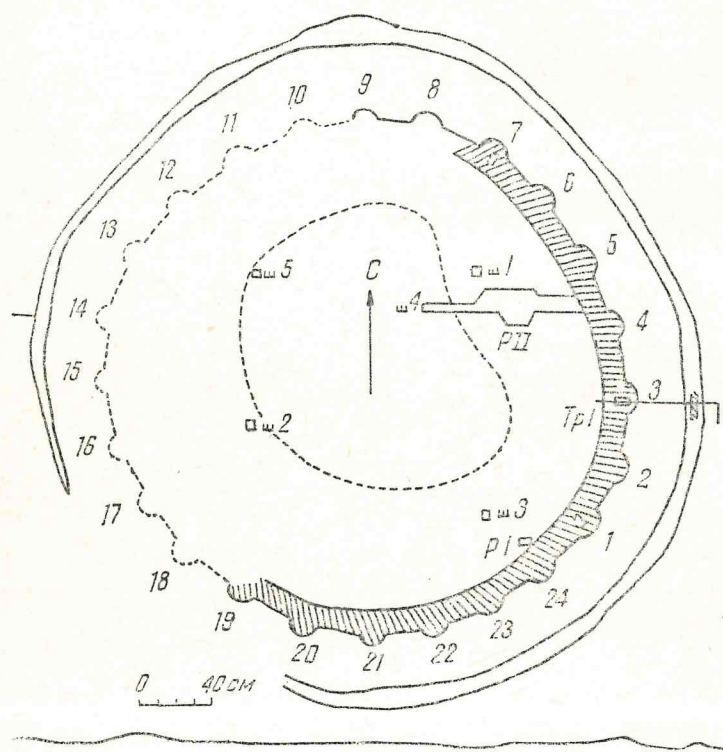


Рис. 1. Топрак-кала. План.

возвышаются на высоту 0,7—3 м. Без раскопок прослеживаются почти по всей окружности городища башни полуовальной формы, расположенные по дуге на расстоянии 22—30 м одна от другой. Городище опоясано предстенным рвом шириной 32—42 м (дневная его поверхность ниже окружающей местности на 54—98 см). По внешнему краю рва на расстоянии 42 м от крепостных стен прослеживается земляной вал шириной 7—10 м, высотой 27—48 м.

Внутренняя поверхность городища достаточно ровная. Следов улиц или какой-либо планировки не обнаружено. Наиболее низменные участки сильно пропитаны грунтовыми водами. Северная часть памятника более возвышена. Возвышение сегментовидной формы в плане

поднимается над центральной частью на высоту 1 м. Подъемный материал незначителен. Он представлен стенками крупных сосудов.

В 1979—1980 гг. проведены работы на стенах и башнях с целью выявления и уточнения их конструкций, а также заложены раскопы и несколько шурфов для изучения стратиграфии городища.

Траншея № 1 (22×2 м) была заложена в восточной части стены через башню № 3. Начатый с гребня стены раскоп опущен местами на глубину от 1,5 до 3 м (рис. 2, 2). Установлено, что стены крепости возведены на монолитной пахсовой платформе высотой до 1,3 м. Над ней уложено 10—12 рядов сырцовых кирпичей (40×41×9—13 см) на толстом слое глиняного раствора толщиной от 3 до 5—6 см.

Башня в плане полуовальная, выступает за линию стены на 6,25 м (рис. 2, 1). При зачистке поверхности башни выявлены контуры внутрибашенного помещения. Для выяснения его размеров были сняты закладки, состоящие из сырцового кирпича, пересыпанного серым песком. Кирпичи в закладке имеют размеры 40×40×10 см, 41×41×12 см. Внутрибашенная камера представляла в плане замкнутый прямоуголь-

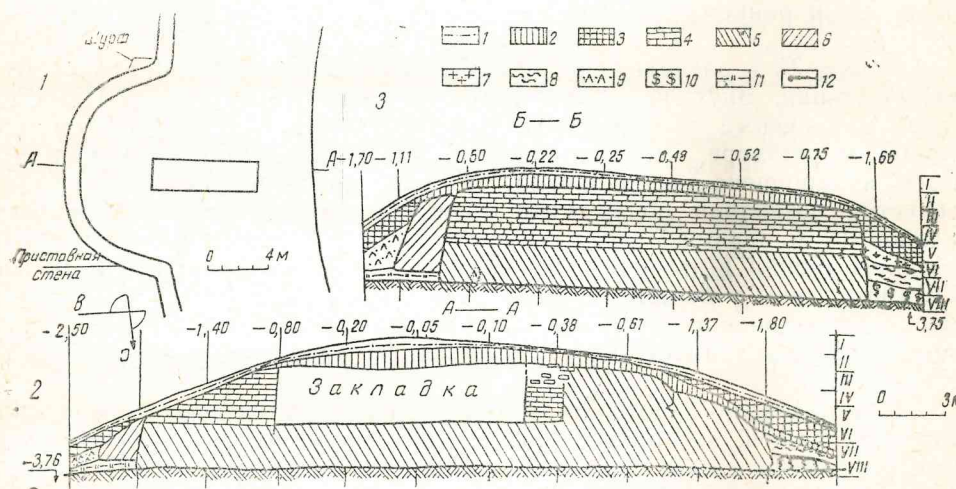


Рис. 2. 1, 2. План и разрез башни № 3; 3. Разрез восточной стены (вид на юг):

1 — пухляк солончаковый; 2 — завал стены; 3 — оплыв; 4 — кирпичная кладка; 5 — пахсовые кладки стены I строительного периода; 6 — пахсовая (приставная) стена II строительного периода; 7 — слой разрушенных кладок, натечных прослоек; 8 — зеленоватый рыхлый слой с древесными угольками и фрагментами керамики; 9 — рыхлая земля с мелкими угольками; 10 — коричневый глинистый слой с керамикой, костями, угольками и пр.; 11 — серый песчаный слой; 12 — прослойка золы.

ник размерами 2,21—2,62×7,07—7,22 м. Стены ее имеют откос к основанию. Она сложена из кирпичей такого же размера, что и в закладке, на слое глиняного раствора толщиной от 3 до 4—5 см. В закладке встречаются фрагменты гончарных сосудов, принявших при обжиге ровный красный цвет. Они могут быть датированы IV—III вв. до н. э. Вдоль наружной стороны башни для определения ее размеров были заложены траншеи длиной 12 м. От восточной стены внутрибашенного помещения до вершины толщина стены равна 5,9 м. Такая же толщина ее и в южную сторону от южной стороны камеры. Толщина стены у башни, а также стены крепости равна 13,8—14 м. Видимо, при ее строительстве возводились какие-то пахсовые стенки, которые включались в ее среднюю часть. С южной стороны башни выявлена приставная стена из пахсы. Однако зачищается она очень плохо, так как ее внешняя грань сильно разрушена. С целью уточнения плана и конструкции внутрибашенных помещений были произведены расчистки поверхности нескольких башен.

Башня № 1 расположена рядом с современным въездом на городище. В плане она полуовальная, выступает за линию стены на 6,25—7 м. Ее стены, как показали поверхностные зачистки, сложены из квадратного сырцового кирпича со стороной 40—41 см. В средней части башни имеется прямоугольная камера размерами 2,5—2,8 × 8,64 м, заполненная сырцовым завалом. Поверхностные расчистки позволили определить толщину внутренней стены камеры, равную 3,55—3,85 м. Со стороны городища к ней примыкает культурный слой. Вдоль этой стены проложена траншея к западу длиной 14,5 м для того, чтобы выяснить, находился ли первоначальный въезд на месте современного. Однако прохода в городище здесь не обнаружено.

Башня № 2 сильно деформирована. После поверхностных зачисток с большим трудом удалось установить размеры ее камеры. Поверху она равна 2,85 × 5,7 м. В кладке башни прослежены кирпичи со стороной 40—41 см.

Башня № 4 расположена севернее башни № 3. Обнаруженная здесь камера башни имеет такие же размеры, что и башня № 2. В ее камере, как и в других башнях, обнаружено значительное количество фрагментов керамики, которая может быть отнесена к поздней архаике (V в. до н. э.) и раннему периоду хорезмийской античности (IV—III вв. до н. э.).

Башня № 7 расположена к северу от башни № 4. В плане она полуовальная. Внутрибашенная камера имеет размеры 3,1 × 7,1 м. Ее стены, сложенные из сырцового кирпича со стороной 40—42 см на глиняном растворе, хорошо прослежены лишь в отдельных местах. Камера заполнена слоем завала и кирпичной кладкой. Дальнейшие зачистки позволили обнаружить внешнюю сторону башни. Траншея длиной 12 м прошла вдоль ее восточной стороны. Установлено, что вершина башни выступает от северной стороны камеры на 7,70 м. Толщина стены у башни равна 11—12 м. Восточная сторона башни от места ее соединения со стеной на протяжении 3 м идет по прямой, затем изгибается и имеет форму $\frac{1}{4}$ круга. Западная часть башни более скругленная.

Как показали работы на траншее 1 и зачистки поверхности нескольких башен, внутрибашенные камеры их имеют малые размеры. Они заполнены слоем сырцового завала. В результате этого башни превратились в единый монолит.

Непропорционально малые размеры камеры по сравнению со стенами, отсутствие прохода и культурного слоя в них наводят на мысль, что перед нами верхняя плоскость цокольной части крепостной стены и башен, толщина которых превосходит все известные нам стены крепостей античного Хорезма. Закладки и засыпки внутрибашенных помещений и междустенных коридоров сырцовым завалом и рыхлой землей с целью возведения цоколя под стены крепости не редкость в архитектуре Хорезма. Таким же способом были возведены цокольные части Калалы-гыра [3, с. 155], Топрак-калы (Хивинской) [4, с. 52], Ток-калы [5, с. 43].

Цокольная часть оборонительных стен и башен облицована снаружи приставными стенами. Приставная стена особенно отчетливо прослежена между башнями № 3 и 4, и также от западного угла башни № 7. В 1,5 м к северу от башни № 4 снаружи приставной стены заложен шурф (2 × 2 м) с целью определения уровня и высоты ее. Установлено, что она сложена из пахсы, сохранилась на высоту 2,52 м и имеет толщину 1,29 м (по низу) и 1,19 м (поверху). Выяснилось, что приставная стена покоится на песчано-глинистом слое на 32 см выше от основания цокольной части. Наличие песчано-глинистого слоя с угольками под приставной стеной свидетельствует, что она, очевидно, была поставлена позже, чем основные стены. Приставная стена обтекает также башни. В результате толщина цоколя крепости с панцирем

приставных стен превысила 13,5—14 м (рис. 2, 3). Наружная поверхность этой стены имеет наклон к основанию 72—74°.

Подобный прием утолщения нижней части основных стен известен и на других памятниках Хорезма античного времени. Так, стены Хазараспа [6, с. 197] и Топрак-калы около г. Хивы [7, с. 414; 4, с. 53] также были укрыты внешним панцирем, что имело большое значение для обороны города. Пахсовые цоколи со скосом уменьшали подстенное мертвое пространство, тем самым препятствуя возможности подкопов, направленных на разрушение нижней части стен, а также обеспечивали дополнительную защиту от стенобитных машин.

За внешним краем рва, на расстоянии 36—42 м от крепостной стены, обнаружена выносная барьерная стенка толщиной 5 м. Судя по сохранившимся остаткам, она была двойная, сложена из пахсы и сохранилась на высоту 47—72 см. Стены отстоят одна от другой в среднем на 1,70 м. Толщина внешней стены — 1,61 м, такая же толщина у внутренних стен. Современный рельеф позволяет высказать предположение, что край рва, обращенный к стенам, был наиболее высоким и крутым.

Отметим, что обнаруженные до сих пор барьерные стенки античных крепостей Хорезма были построены по внутреннему краю рва, а выносная барьерная стена исследуемого памятника поставлена по внешнему краю широкого рва и имеет стрелковый коридор. Основание цокольной части крепостных стен и барьерная стена находятся на одном уровне и поставлены на материк. Они возводились одновременно и составляли единую систему оборонительных сооружений.

Барьерные стены опоясывают многие укрепления античного Хорезма. Они применены для защиты таких городищ, как Хазарасп [6, с. 190], Койкылган-кала [8, с. 72], Бурлы-кала, Топрак-кала (Хивинская) [4, с. 53], Большая Айбуйир-кала, и в укреплениях Чаганиана III в. до н. э.—III в. н. э., таких, как Карабагтепе [9, с. 45, рис. 5] и Кейхобадшаха [10, с. 48].

В Средней Азии дополнительные стены, называемые противоштурмовыми [54, с. 47], окружают многие укрепления [12, с. 170; 11, с. 64]. В. Л. Воронина предполагает, что они служили для вылазок гарнизона во время атаки противника [14, с. 95]. В Хорезме этот элемент фортификации сохранился до XII—XIII вв. и известен на городищах Кават-кала и Большой Гульдурсун [12, с. 170].

Таким образом, на основании анализа наслоений вышеописанной траншеи для крепостных стен может быть выделено два строительных периода. В первом строятся основные оборонительные стены с полуовальными башнями и выносная барьерная стена со стрелковым коридором. Барьерная стена была расположена за внешним краем наполненного водой рва, служившего при возведении крепости карьером для добычи основного строительного материала. Во втором периоде к основной крепостной стене пристраивается новая приставная пахсовая стена. Благодаря этому толщина цокольной части крепости достигает 14 м. Эти конструктивные изменения были совершены, вероятно, с целью ремонта или восстановления стен, так как на вскрытых участках были разрушены внешние грани цокольной части крепости. Барьерная стена продолжала функционировать.

Раскоп 1 площадью 60 кв. м заложен в юго-восточной части памятника, рядом с современным входом на городище. Преследовались цели установить стратиграфию залегания культурных слоев и определить датировку городища.

После снятия верхнего слоя почвы — солончака-пухляка (12 см) — на расстоянии 1,55—2,5 м от цокольной части крепости обнаружены остатки второй стены, сложенной из сырцового кирпича размерами 39—40 × 40—41 × 7—11 см. Она сохранилась на высоту до 1 м и имела толщину 2 м. Стена имеет откос к основанию. Пространство между цокольной частью и второй стеной разделено поперечными глинобит-

ными отсеками. Со стороны городища к нему примыкают стены небольших прямоугольных помещений. Таким образом, от второй стены с двух сторон отходят под прямым углом пахсовые стены шести помещений.

Помещение № 1 размерами 2,44×2,34 м находится в юго-восточном углу раскопа. Южные и западные стены сложены из пахсы и поставлены на песчано-глинистый материк. На отметке — 2,98 м над материком на всей площади раскопа обнаружен светло-коричневый глинистый слой толщиной 22—31 см, утрамбованная поверхность которого служила полом помещения.

Культурный слой над первым полом толщиной 31—47 см — рыхлый, зеленоватый. В нем встречаются фрагменты керамики, кости животных и обломки зернотерки.

Уровень второго пола находится на 51 см выше первого. Над полом — слой толщиной 36—41 см, представляющий собой серый суглинок, пропитанный белыми солями. В нем содержатся древесные угольки, зола и комки глины, обожженные до красного прокала.

В слое найдены фрагменты керамики и пряслица (3 штуки), необожженное глиняное ядро и кости животных.

Помещение № 2 (2×3 м) примыкает к помещению № 1 с юго-запада. Его юго-восточная стена является одновременно и цокольной частью крепости. Стены сохранились на высоту около 1 м. Помещение сообщается с помещением № 3 проходом шириной 90 см.

В помещении обнаружены три уровня поверхности пола. Выровненная поверхность материка является первым полом. Над ним — зеленоватый слой с древесными угольками, в нем встречаются фрагменты керамики. 2 пол лежал на 43 см выше нижнего. Культурный слой содержит прослойку золы и угля, достигает толщины 42 см. На 11—31 см выше 2 пола находится верхний пол. Уровень его выявлен местами. Здесь, кроме фрагментов керамики, найдены ручка кувшина, украшенная изображением львиной головы, и бусина из обожженной глины.

Помещение № 3 размерами 1,47×3 м примыкает к помещению № 2 с юго-запада. Здесь вскрыты два пола, разделенные прослойкой песчано-глинистого слоя толщиной 13—18 см. Структура культурного слоя над полом такая же, что и в помещении № 2.

Помещение № 4 размерами 1,45×2,16 м расположено в юго-западной части раскопа. В нем обнаружено два пола. В культурном слое над материковым полом содержалось значительное количество зольных прослоек, встречались фрагменты керамики и кости животных.

Второй пол на 37 см выше нижнего. Обмазка на полу отсутствует. Культурный слой толщиной 33 см глинистый, пропитан белыми солями. В слое встречаются фрагменты керамики, принявшие при обжиге ровный красный цвет. Поверхность стенок некоторых сосудов рубчатая. Весь комплекс керамики с пола 2 может быть датирован V в. до н. э.

Помещение № 5 размерами 2,1×3,15 м расположено между помещениями № 4 и 6. Стены сложены из пахсы, толщина их — 72 см. Проход отсутствует. В помещении обнаружены 3 пола. Нижний лежал на отметке 2,89 м. Рыхлый зеленоватый слой содержал фрагменты керамики, кости животных и рыб. Второй пол находился на 36 см выше нижнего. В зеленоватом культурном слое найдены фрагменты стенок и венчиков различных сосудов. Верхний пол выявлен местами.

Помещение № 6 длиной 1,65 м расположено северо-западнее помещения № 5. Северная часть его смыта. Стены сложены из пахсы, сохранились местами на высоту 32—61 см.

В помещении выявлено 2 пола. Надматериковый нижний пол имел культурный слой зеленоватого цвета толщиной 37—42 см. Второй пол находился на 32 см выше нижнего. Над ним глинистый слой с древесными угольками. Керамика на обоих полах однотипная.

Характерной особенностью всех вскрытых на раскопе помещений является то, что в них отсутствуют очаги, суфы, проходы (за исключением помещения № 2) и они имеют малые размеры. Отметим, что следы кострищ были обнаружены не в помещениях, как обычно, а на поверхности основной стены, разделяющей их. На стене огонь горел в трех местах. Первый очаг размерами 89×97 см находился между помещениями № 2 и 5. Очаг сильно разрушен, сохранились лишь невысокие (4—5 см) глиняные бортики в северной части. Из-за долгого горения сырцовые кирпичи стены прокалены докрасна. Вокруг очага — слой золы толщиной 7—11 см.

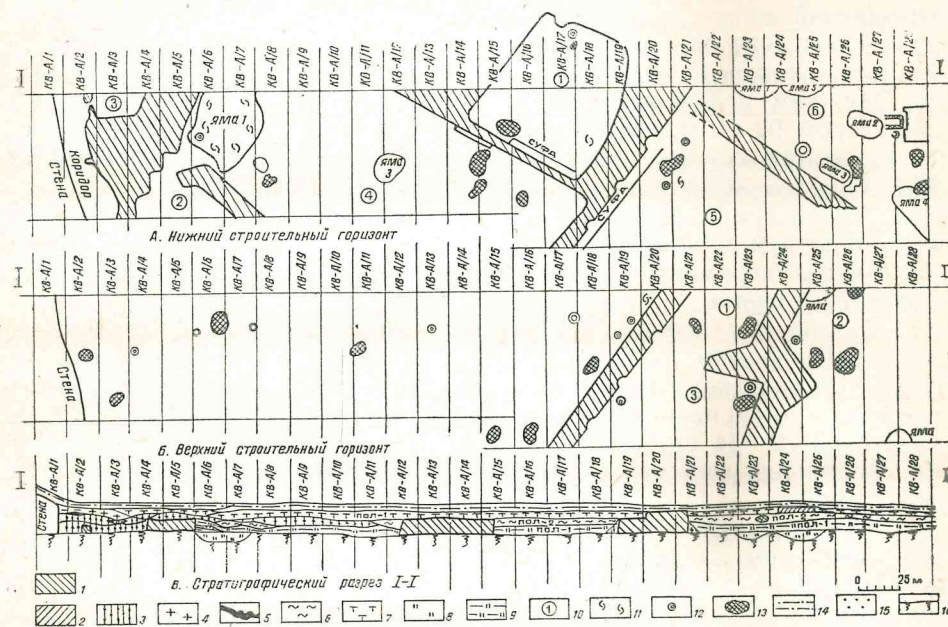


Рис. 3. План и разрез раскопа II. а — верхний строительный горизонт; б — верхний строительный горизонт; в — стратиграфический разрез раскопа II.

1 — стены нижнего строительного горизонта; 2 — стены верхнего строительного горизонта; 3 — серый глинистый слой с керамикой, костями, угольками и пр.; 4 — плотный песчано-глинистый завал; 5 — зольно-угольные линзы; 6 — зеленоватый рыхлый слой с фрагментами керамики; 7 — однородный плотный глиняный слой; 8 — рыхлое заполнение ям с фрагментами керамики; 9 — коричневый глинистый слой с керамикой и костями; 10 — номера помещений; 11 — скопление керамики; 12 — хумы; 13 — кострища; 14 — солончак-пухляк; 15 — песок; 16 — материк.

В Хорезме очаги-площадки зарегистрированы начиная с VI—V вв. до н. э. (Кюзели-гир, Койкылган-кала); в кушанских и афригидских постройках прямоугольный очаг-площадка занимал середину квадратных помещений жилого и парадного типа [12, с. 141—142]. Очаги-площадки имели не только бытовое, но и культовое назначение.

Следующее кострище диаметром 61 см находилось на 2,25 м западнее первого. В какой-то период кострище было засыпано песком, после чего оно, очевидно, заброшено.

Третье кострище диаметром 87 см расположено в 1,5 м западнее второго, между помещениями № 2 и 4. Прокаленные докрасна кирпичи стены были отмечены и здесь. Уровень последнего кострища на 12—18 см ниже уровня остальных. Использовались ли эти кострища одновременно или последовательно, для какой цели, сказать сейчас трудно. Известно лишь, что на поверхности стены в одну линию, почти на одном уровне, между шестью помещениями горел огонь. Часто встречавшиеся древесные угольки и зольные прослойки в слоях помещений, очевидно, попали в них из описанных кострищ.

Планировка раскопанных помещений резко отличается от планировки обычных бытовых помещений. Небольшие размеры, наличие от-

косов стены к основанию, отсутствие проходов и очагов приближает их к помещениям типа закромов.

Раскоп 2 площадью 260 кв. м был заложен в восточной части городища западнее башни № 4. Стратиграфический шурф, заложенный в 1979 г., включен в рамки этого раскопа (рис. 3). В итоге работ выявлена общая стратиграфия объекта. Полученные материалы позволили выделить два горизонта, составляющие два этапа в жизни городища.

Нижний горизонт (рис. 3, 1). В этот период на раскопанном участке существовала сплошная застройка. Нами были вскрыты несколько помещений.

Помещение № 1 размерами 9×7,5—5,7 м. Стены сложены из пахсы, сохранились на высоту 42—92 см. В помещении выявлены два пола. Нижним полом является утоптанная поверхность материка. Очаг диаметром 92 см размещается в северо-восточном углу. В центре очага находится круглое диаметром 12—14 см углубление, забитое золой. Около очага лежали обломки зернотерки. Вдоль северной стены идет узкая и низкая глиняная суфа-скамья. В южном углу имеется небольшой выступ и ниша. В сером глинистом слое над полом обнаружены фрагменты керамики, кости животных и встречены обломки лепных кухонных сосудов.

Второй пол лежал на 24—32 см выше нижнего. В юго-западной части расположен очаг диаметром 42 см. На полу обнаружены прокаленные участки. Рядом с очагом стоял хум, от которого сохранилась только нижняя половина. Над полом залегал глинистый серый слой толщиной 32—44 см, в котором содержались угольки, керамика и кости. Встречены фрагменты зернотерки, керамические пряслица, каменные терки.

Помещение № 2 вскрыто частично. Оно сообщалось с помещением № 4 проходом шириной 87 см. Нижний, надматериковый слой толщиной 52 см перекрывался завалом, выше которого шли песчано-глинистые намывы.

Помещение № 3 вскрыто частично. Большая часть его уходит под южный обрез раскопа. Помещение сообщалось с коридором. Проход шириной 87 см имел глинобитный порог. Стены сложены из пахсы, сохранились на высоту 57—83 см. В надматериковом глинистом слое толщиной 37—48 см были найдены фрагменты керамики и кости животных.

Второй пол находился на 42—44 см выше нижнего. Зеленоватый культурный слой толщиной 13—22 см был насыщен древесными угольками. В нем обнаружены стенки крупных сосудов, кости животных. Слой перекрывался сырцовым завалом.

Восточнее описанного помещения был расположен коридор шириной 1,5—1,75 м. На исследованном участке, в средней части коридора, был порог из пахсы. Пол в коридоре — с заметным повышением в сторону стены крепости. На нем лежал культурный слой толщиной 39 см, содержащий в очень малом количестве керамику. Выше него лежал слой завала. Коридор в какой-то период был заполнен отвалом и слоен разрушения, после чего его поверхность была выровнена и сооружен очаг-кострище. Дальнейшее обитание в этом месте связано уже с наслоениями, относящимися к верхнему горизонту.

Помещение № 4 сообщалось с помещением № 2 через проход шириной 87 см. Стены его сложены из пахсы, сохранились на высоту 22—77 см, шириной 76—132 см. Ширина помещения 12—14 м (отм.— 2,98 м). Длину определить не удалось. Надматериковый пол был неровный без обмазки, во многих местах прорезан ямами.

Первая яма диаметром около 5 м, глубиной 42 см находилась против входа. Она была заполнена обломками крупных сосудов, здесь найдено 2109 их фрагментов — в основном стенки и венчики, а также фрагменты хумов с манжетообразным венчиком, ребристым туловом.

На большинстве хумов венчик валикообразный. Имеются сосуды с треугольным в разрезе венчиком и валиком под ним. На стенках и плечиках некоторых сосудов имеются прочерченные знаки-метки и выбитые изображения каких-то существ. Такое большое количество фрагментов битых крупных сосудов здесь, видимо, не случайно. Можно предположить, что они использовались в каких-то культовых целях.

Вторая яма (51×101 см, глубина 32 см) найдена на юго-восточной части помещения. Она заполнена серым глинистым слоем с древесными угольками. Здесь найдены фрагменты керамики, кости животных и рыб. Последняя яма (диаметром 1,5 м, глубиной 25—32 см) обнаружена в средней части. Яма была заполнена слоем мусора, золой, древесными угольками. На полу помещения обнаружены четыре кострища диаметром от 78 до 151 см. Три из них концентрировались в юго-западном углу помещения. На полу в глинистом слое найдено большое количество фрагментов керамики.

Второй пол находился на 29—41 см выше нижнего. Зеленоватый культурный слой содержал фрагменты керамики и кости животных. На полу выявлены прокаленные участки. Здесь же найдено семь кусков зернотерок ладьевидной формы. На полу обнаружены терракотовые женские статуэтки и фигурка коня.

Среди изученных помещений наиболее важными по назначению были № 5 и 6. Одно из них, шириной 9,5 м (длину выяснить не удалось), видимо, зал, в котором расчищены два пола. Стена, сложенная из пахсы, сохранилась на высоту 85 см. Толщина юго-восточной стены 1,5—3 м. Вдоль восточной стены располагались три ниши, полукруглые в плане. Ширина 50—101 см, глубина — 40—42 см. Между тремя нишами вдоль восточной стены обнаружена суфа шириной 40—60 см. Высота этой вымостки — суфы — равнялась 43 см. Нижний пол выявлен на отметке — 3,01 м, он прослеживается четко только в восточной части помещения. Слой над полом глинистый, зеленоватый, зазоленный, насыщенный белыми солями. В нем встречено небольшое количество фрагментов столовой красноглиняной и красноангобирванной посуды, кости животных и рыб. Здесь же обнаружена головка статуэтки женщины, а также терракотовая печать. В слое найден небольшой, подтреугольной формы скребок, изготовленный из сероватого кремня и ретушированный грубыми сколами.

Верхний пол находился на 27—38 см выше нижнего. Над полом слой серый, глинистый, с древесными угольками. Ближе к восточной стене стоял хум, от которого сохранилось днище диаметром 83 см. В слое встречены фрагменты керамики, кости животных и рыб. Здесь же обнаружены крышки, точильные камни, терки, пряслица из стенок и донышек сосудов. Особо отметим налпы в виде львиных голов, которые украшали ручки кувшинов. На верхнем полу обнаружена также круглая известняковая база деревянной колонны, поддерживавшей кровлю. В помещении собрано небольшое количество фрагментов красноглиняной, красноангобирванной посуды.

Помещение № 5 имеет стены шириной 2,5—3 м, что превышает толщину стен окружающих помещений. Это объясняется тем, что оно располагалось в центре раскапываемого комплекса и его стены несли основные нагрузки перекрытий. Аналогичный принцип возведения комнаты над примыкавшими к нему помещениями известен в Бактрии на городищах Халчаян [15, с. 142] и Дальверзинтепе [16, с. 48]. В целом же помещение № 5, вероятно, являлось парадным залом.

Помещение № 6, располагавшееся юго-западнее помещения № 5, вскрывалось частично, поэтому размеры его определить не удалось. Северо-восточная стена выявлена местами. Она сохранилась на высоту от 17 до 32 см, ее ширина 1,3 м. Нижний пол обнаружен на отметке — 2,98 м. Слой над полом глинистый, с золой и древесными угольками. В нем найдены многочисленные фрагменты различной посуды,

кости животных и рыб. На стенках некоторых сосудов встречаются знаки-метки, прочерченные острым предметом.

Верхний пол на 27—32 см выше нижнего. Слой над полом толщиной 22—42 см зеленоватый, зольный, с фрагментами керамики и костями животных. В слое найдены крышка сосуда, каменное лощило, обломки зернотерки, лепных горшков и сковород. Среди находок следует выделить глиняное пряслице, изготовленное из стенки сосуда, фрагменты терракотовых статуэток — голову коня и женскую фигурку, астрагал с процарапанным знаком. В центре помещения прослежен прямоугольный очаг с невысоким (17—21 см) глиняным бортиком, обожженным докрасна. Внутри очага имелось скопление слежавшегося пепла. К очагу с запада примыкает квадратная глиняная платформа — «стол» размерами 1,5×1,67 м, высотой 72 см. Рядом с очагом обнаружены обожженные фрагменты керамики, кости животных, оплавленные зерна пшеницы. У очага расположена яма (№ 2), заполненная золой и древесными угольками, и круглый керамический тандыр. Диаметр его 38 см, толщина стенок 2 см. Стенки тандыра обожжены, снаружи он обмазан слоем глины толщиной 2,5 см. В помещении обнаружены следы еще четырех кострищ диаметром 62—156 см, над полом — локальный слой горения, который, в основном, сконцентрирован вокруг очага. Весь исследуемый участок помещения был изрыт ямами овальной формы (их пять). Глубина ям различна — от 37 до 67 см. Большинство их было связано с очагами и заполнено зеленоватыми зольными, глинистыми слоями. В них встречены фрагменты керамики и кости, а также обожженные комки глины.

Верхний горизонт. В процессе раскопок выяснилось, что верхний культурный слой второго строительного периода значительно пострадал от естественных процессов выветривания.

Удалось частично расчистить остатки трех помещений, принадлежавших одному зданию (рис. 3, 2). Стены помещений глинобитные, толщина их колеблется от 87 до 101 см. Помещение № 1 имеет ширину 4,5 м. Проход шириной 2,5 м находится в его северо-восточной части. Пол помещения находился на 47 см ниже современной дневной поверхности и имел заметный наклон в северо-восточном направлении.

Одно кострище диаметром 75 см располагалось в северо-западном углу помещения, второе — против прохода. Культурный слой на полу толщиной 32—41 см содержал фрагменты керамики и кости животных. Из керамических изделий отметим фрагменты ойнохоевидного кувшинчика и донца хума, а также обломки зернотерки, обнаруженные рядом с кострищем.

Помещение № 2 расположено западнее помещения № 1 и вскрыто лишь частично, поэтому размеры и конфигурация его остались не установленными. Пол помещения лежал на 37—42 см ниже дневной поверхности. На нем обнаружены следы трех кострищ размерами 54×125 см. В северо-восточном углу стоял хум, от которого сохранилось днище. В слое найдены фрагменты керамики и кости животных.

Помещение № 3 расположено почти на одной оси с помещением № 1 и отделено от него стеной толщиной 1 м. Оно, вероятно, имело неправильные очертания. Ширина его увеличивается в северном направлении с 6,31 до 8,7 м. Стены толщиной 1,25—1,50 м сложены из пахсы, сохранились на высоту 35—52 см. Вдоль восточной стены располагались три ниши, полукруглые в плане, ширина их 50—101 см, глубина 40—42 см. Серый, глинистый культурный слой толщиной 32—43 см на полу отделен от нижнего строительного периода слоем завала (толщиной 9—13 см). На полу найдены фрагменты различных сосудов. Из встреченных здесь находок следует отметить каменные терки, пряслица. Обнаружена терракотовая статуэтка обнаженной женщины со вздутым животом и сильно развитыми бедрами.

На полу обнаружены статуэтки коня и быка с человеческим лицом. Не исключено, что перед нами мифологический образ местного

божества. Рядом с ними лежала нижняя часть курильницы, на стенах которой имеются крестообразные и прямоугольные отверстия.

К верхнему горизонту относятся также обнаруженные между кв—А/5—7, кв—Б/2—6, кв—В/6—11, кв—Г/3—19 следы кострища и локальные пятна культурного слоя.

Во втором строительном периоде новые обитатели, как выше упомянуто, провели частичную реконструкцию крепостной стены, снаружи ее цокольная часть была обложена новой пахсовой стеной.

Станковая керамика

Основываясь на стратиграфии городища, весь керамический материал мы разбиваем на две группы: керамика нижнего строительного горизонта и керамика верхнего строительного горизонта.

Керамика нижнего горизонта. Целых форм сосудов не было выявлено, в основном, это бой керамики.

Хумы — одна из наиболее эволюционирующих форм древних тарных сосудов. Для 1 периода представлены несколькими разновидностями. Венчики хумов первой чуть отогнуты наружу, имеют форму

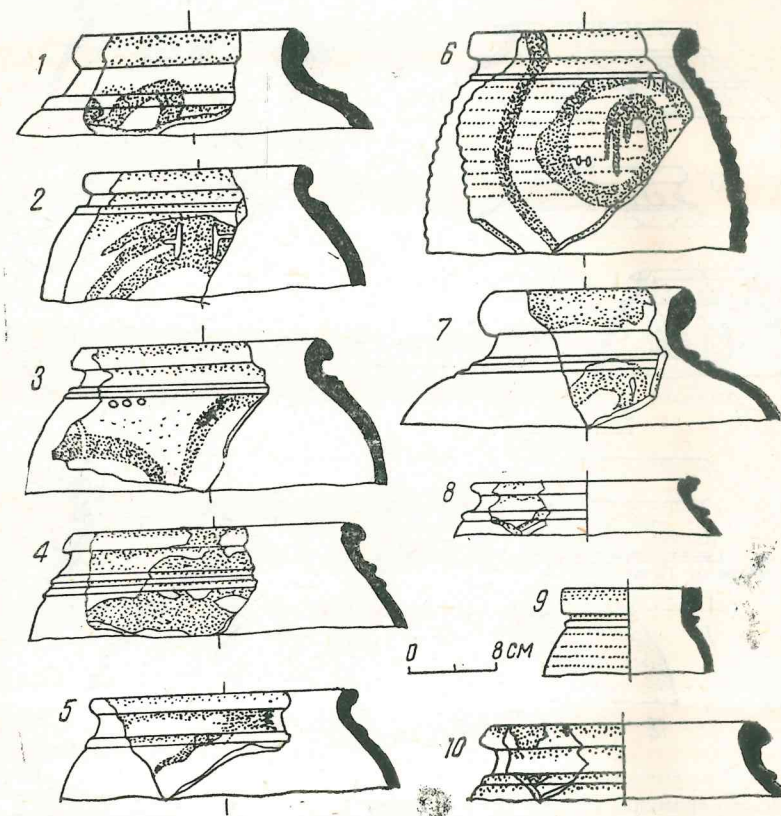


Рис. 4. Керамика нижнего строительного горизонта: хумы (1—9) — помещение № 4, (10) — помещение № 6.

утолщенного валика (рис. 4, 1—5). Венчик иногда окрашивался. Внутренние стороны некоторых хумов сильно забрызганы красным ангобом. Снаружи они покрыты светлым, а иногда розоватым ангобом, поверх которого наносилась роспись в виде лент, свернутых в спирали. На поверхности некоторых сосудов сохранилась характерная для архаической посуды горизонтальная рубчатость (рис. 4, 6). К этому виду относятся тонкостенные хумы со слегка покатыми плечиками, округ-

лыми валикообразными венчиками и широкими желобками под ними. Под валиком у некоторых хумов имеется пунсонный орнамент (рис. 4, 3; 5, 11).

Хумы второй разновидности имеют венчики в виде массивного, слабо выступающего наружу валика. Неширокая (6—7 см) и немного стянутая горловина отделена от плечиков одним или двумя валиками. Внешняя поверхность покрыта светлым ангобом (рис. 4, 7, 10).

Описанные разновидности хумов относятся к числу широко известных типов керамики античного Хорезма. Они есть в коллекциях из

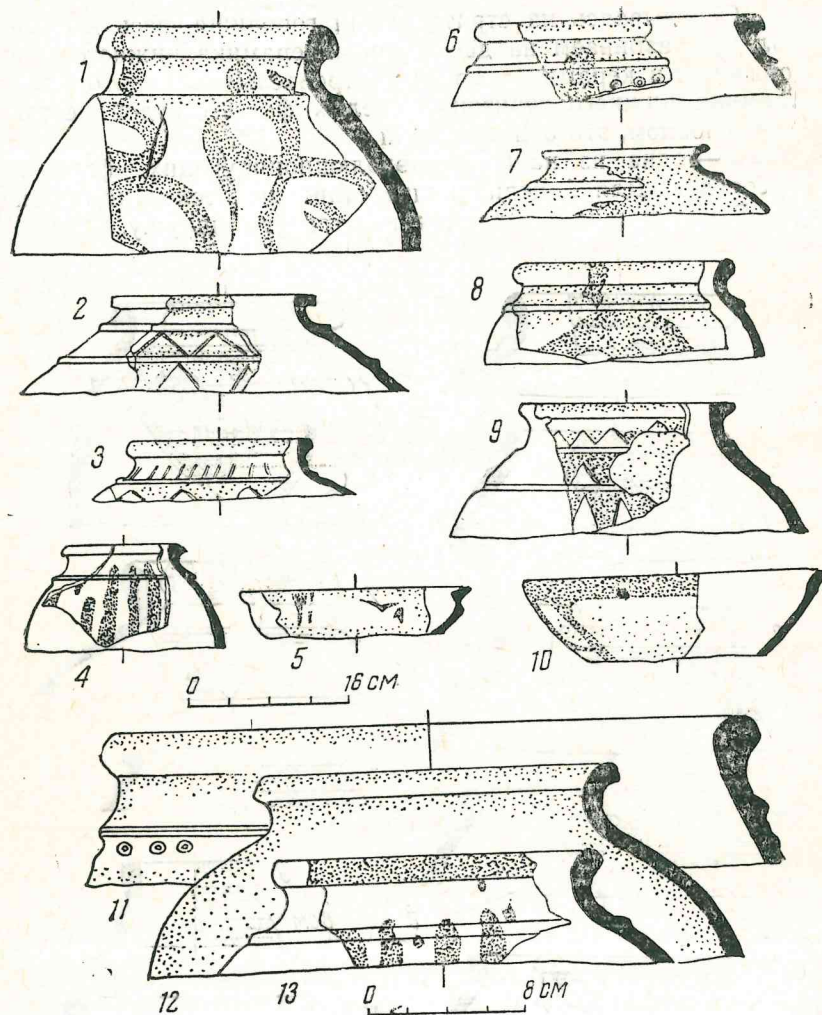


Рис. 5. Керамика.

хумчи (1—4) — помещение № 1; (6—9) — помещение № 3; (11—13) — помещение № 4; миски (5, 10) — помещение № 4, яма 2.

Калалы-гыра 1, Койкрылган-калы, Кюнерли-калы [17, с. 93, рис. 9, 15, 16, 19—22].

Третья разновидность представлена хумами с манжетообразным венчиком (рис. 4, 9). Ширина венчика 3—3,7 см. Шейка отделена от тулова невысоким валиком, высота шейки 2,3—2,7 см. Черепок в изломе красноватый. Снаружи сосуды покрыты беловатым, а иногда красноватым ангобом. Подобные хумы найдены при раскопках городища Кюзели-гыр и поселения Дингильдже [17, с. 71, рис. 2, 1, 7], датируются VI—V вв. до н. э.

У дна и на плечиках многих хумов концом ножа или острой палочкой по сырой глине прочерчены знаки (рис. 4, 7). Имеются знаки, выбитые по обожженной поверхности сосуда (рис. 4, 2).

Хумчи представлены фрагментами. По форме тулова разделяются на грушевидные и горшковидные.

Грушевидные хумчи имеют округлый или валикообразный венчик, покрыты светлым ангобом (рис. 5, 1, 8, 13). По плечикам идет невысокий валик, от которого, так же как и у хумов, начинается роспись в виде трех спиралей. В 1,5 см ниже валика одна хумча украшена резным циркульным глазковым орнаментом (рис. 5, 6). Диаметр устья их 18—22 см, толщина стенок 1,3—2,2 см. В глине, из которой они формовались, никаких добавлений нет.

Грушевидные хумчи с валикообразным венчиком найдены в нижних слоях Койкрылган-калы [8, с. 314, табл. 1, рис. 17, 22, 24], в Калалы-гыре [17, с. 93, рис. 9, 2, 3].

Другая разновидность грушевидных хумчей имеет в сечении близкую к подтреугольную форму венчика. Плечики опоясывались невысокими валиками. Поверхность покрыта желтоватым, а иногда крас-

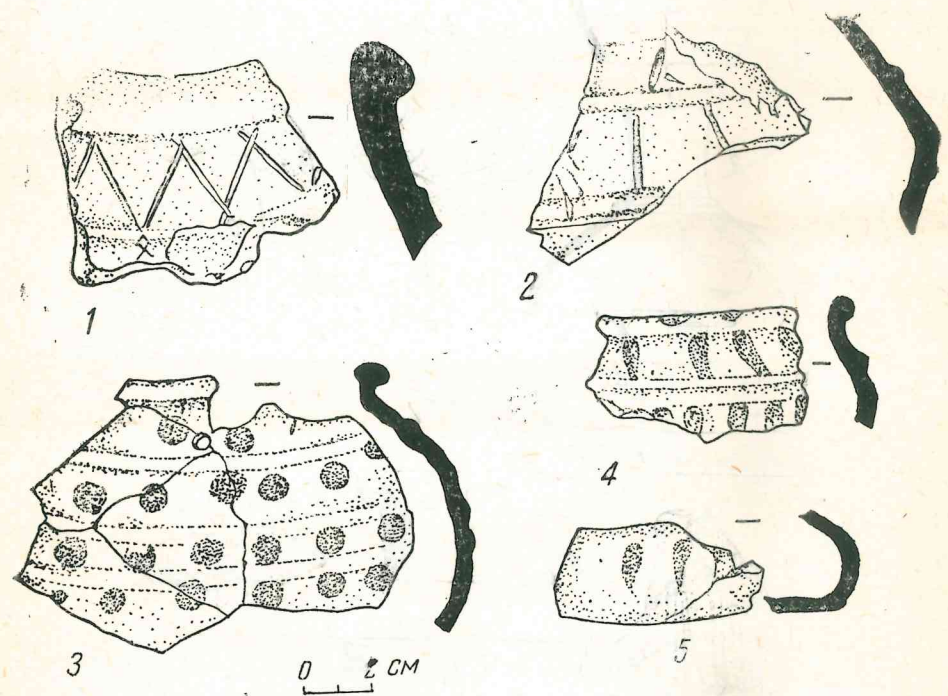


Рис. 6. Горшкообразная хумча (1) — помещение № 5; горшки (2—5) — помещение № 6.

ным ангобом. Некоторые хумчи украшались по плечикам нарезными закрасненными треугольниками (рис. 5, 9). Интересна орнаментация хумчи, украшенной красной лентой в виде восьмерок по верхней части корпуса (рис. 5, 1).

Горшкообразные хумчи с округло-валикообразным или подчетырёхугольным в сечении венчиками (рис. 5, 9; 6, 1). Плечики и корпус опоясывались невысокими валиками или желобками. Поверхность расписывалась красной краской по белому ангобу. В отдельных случаях они, как и горшковидные хумчи, украшались по плечикам нарезными закрасненными треугольниками (рис. 5, 2; 6, 1). Диаметр устья 16—24 см, толщина стенок 1—1,5 см. Глина для изготовления хумчей была хорошего качества, обжиг равномерный, черепок в изломе розовый. На стенках некоторых сосудов имеются знаки, нанесенные по

вертикальных полос. Иногда горшки расписывались круглыми пятнышками (рис. 7, 3).

2. Горшки с утолщенным венчиком, подчетыреугольным в сечении; наружная сторона его округлая или чуть спрямлена (рис. 5, 4). Корпус иногда опоясывался прочерченной линией, покрывался светлым ангобом, поверх которого наносилась роспись вертикальными полосами красной краской.

Тулово некоторых горшков, как и горшковидных хумчей, украшалось нарезными закрашенными треугольниками (рис. 5, 3; 6, 2). На плечиках многих экземпляров есть круглые отверстия. Диаметр устья 14—16 см, толщина стенок 0,8—1 см.

Глиняное тесто, из которого изготовлены сосуды, очень тщательно приготовлено. Видимые примеси отсутствуют. Все описанные фор-

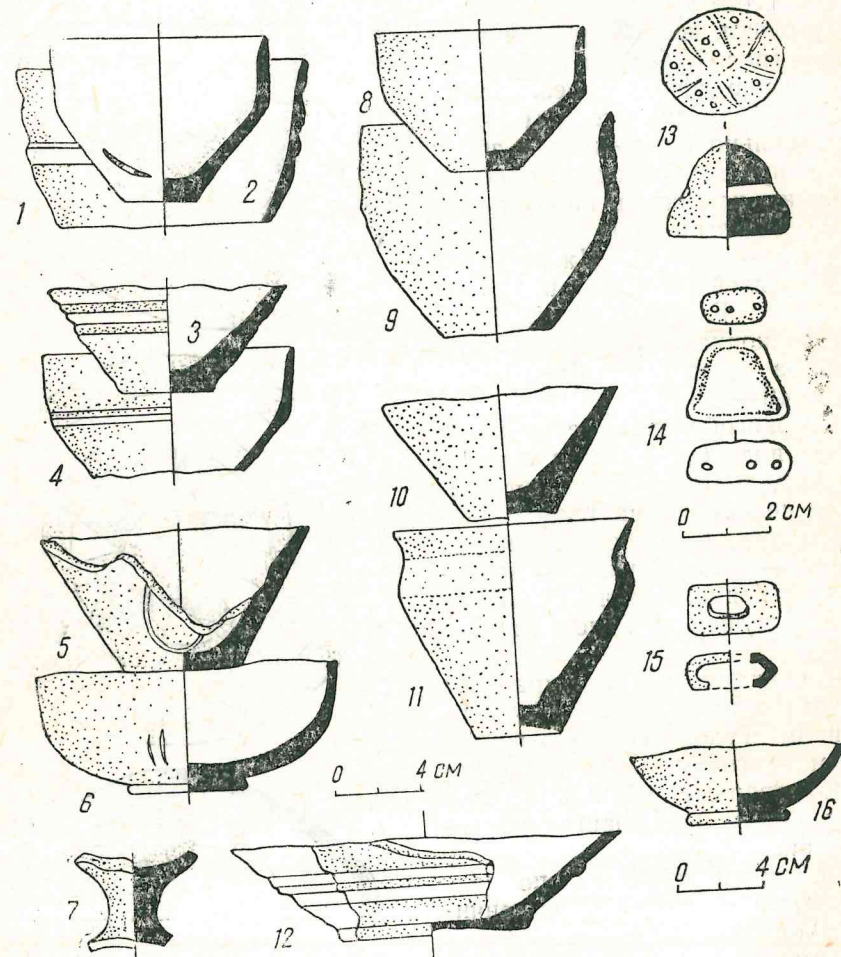


Рис. 9. Керамика:

чаши (1, 4, 6, 16) — помещения № 4, 5; бокалы и кубки (2-3, 5, 7, 8, 9, 10-11) — помещения № 4-6; миска (12) — помещение № 6; печать-амулет (13-14); верхний строительный горизонт — помещение № 4; кость (15) — помещение № 6.

мы горшков находят аналоги в материалах из нижнего горизонта Койкрылган-калы и датируются IV—III вв. до н. э. [8, табл. II, рис. 24, 26—28].

Блюда. Обнаружены только три фрагмента. По форме они почти одинаковы. Диаметр 37—38 см. Толщина стенок 1,3—1,8 см. Обе стороны покрыты беловатым или розовым ангобом. По наружной стороне нанесена роспись — широкие (5 см) перекрещивающиеся полосы.

Внутренняя сторона отделана чище, на ней нанесены знаки в виде треугольников (рис. 16, 1, 2).

Крышки представлены фрагментами, все они светлоангобированные. У большинства крышек в средней части сделаны отверстия. Выделяются две разновидности.

1. Наиболее распространены крышки в форме сегмента шара. Края округленные. Диаметр основания крышки в среднем равен 9—24 см (рис. 8, 2).

2. Конусообразные крышки со скругленным верхом и слегка оттянутым наружу нижним краем. Отверстие для воздуха обведено кружком, от которого расходятся полосы к закрашенному красной краской краю (рис. 8, 1). Диаметр основания 11—18 см, высота 4—9 см. Есть крышки низкоцилиндрической формы с плоским верхом. Диаметр по верху 19 см, высота 6 см, толщина стенок 5—6 мм. Сделаны очень тщательно, покрыты розовым ангобом. Наружная поверхность украшена прочерченной пятиконечной звездой и росписью в виде радиально расходящихся полос по краю (рис. 8, 3). Изделия, по-видимому, представляли определенную ценность, о чем говорят признаки починки одного из обнаруженных экземпляров. В крышке, разбитой на четыре части, было просверлено более 12 отверстий, в которые вставлялась медная проволока для стягивания осколков.

Аналогичные по форме и росписи наружной стороны крышки известны в материалах нижнего слоя городища Койкрылган-калы [8, с. 108, 316, табл. 3, рис. 5, 8]. Вне Хорезма крышки описанных форм найдены в нижних слоях городища Шурабашад (IV—III вв. до н. э.) в Ферганской долине [19, с. 182, рис. 14, 6].

Обнаружены крышки дисковидной формы, выпуклые в нижней части. Диаметр 36 см, толщина стенок 3,3 см. В примеси теста наряду с дресвой встречается измельченный шамот. Такой прием изготовления сосудов в Хорезме известен для памятников архаической культуры, датируется VI—V вв. до н. э.

Встречаются единичные фрагменты светлоангобированных плоских крышек, верхняя часть которых украшена круглыми пятнышками красной краски.

Чаши представлены фрагментами стенок и донцев. Покрыты красным ангобом изнутри и снаружи. По форме различаются большей или меньшей открытостью, степенью отогнутости краев.

1. Небольшие глубокие сосуды с отогнутым наружу верхним краем. Корпус немного расширяется к середине, образуя в месте наибольшего диаметра ребро, иногда подчеркнутое прочерченной полосой или рельефным валиком. Диаметр по краю 11—13,5 см, глубина, видимо, 7—11 см, толщина стенок 0,6—1 см. Этот тип сосудов преобладает (рис. 9, 1, 4).

2. Открытые, неглубокие чаши с дисковидным поддоном (всего два фрагмента) (рис. 9, 6, 16).

Миски найдены в небольшом количестве (рис. 5, 5; 9, 12). Имеют резервуар с загнутым внутрь краем, массивным плоским дном. Изнутри покрыты красным ангобом. Диаметр по краю 28 см, высота 4,5 см. Миски с отогнутым наружу краем, округлым корпусом. Диаметр по краю 22 см, высота 4 см, с внутренней стороны покрыты красным ангобом. При переходе к дну стенки большинства этих мисок утолщены (рис. 9, 12). Описанные сосуды имеются в слоях нижнего горизонта в Койкрылган-кале.

Бокалы и кубки — глубокие, красноангобированные, с небольшим массивным плоским или слегка вогнутым доньшком — хорошо известны в античной керамике Хорезма [17, с. 108, рис. 17, 11].

В Топрак-кале встречены четыре разновидности:

1. Верхняя часть сосуда от наибольшего диаметра почти вертикально направлена вверх, край чуть округлен и отогнут. Диаметр устья — 10—14 см. Наибольший диаметр тулова колеблется в преде-

лах 10—15 см. К доньшку корпус заметно сужается (рис. 9, 2, 8, 9).

2. Обнаруженные в раскопках массивные донца красноангобированных сосудов могут в равной степени относиться к бокалам и некоторым формам глубоких чаш (рис. 9, 5, 9). На стенках у дна часто носились знаки.

3. Редкую разновидность представляют кубки с прямыми стенками, расходящимися от дна к устью (рис. 9, 3, 5, 10).

4. В слоях нижнего горизонта найдены фрагменты единственного бокала на ножке (рис. 9, 7).

Большинство описанных выше сосудов имеют множество аналогов. В частности, бокалы с чуть отогнутым краем имеются в керамике Дальверзинтепе греко-бактрийского времени [20, с. 144, рис. 100,

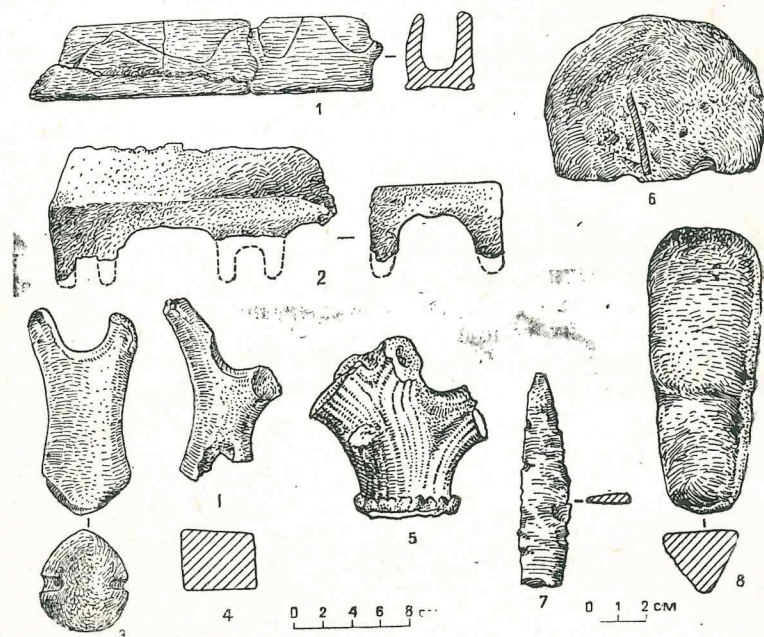


Рис. 10. Предметы быта:

керамический желоб (1); миниатюрный керамический столик (2) — помещение № 4; керамические изделия (шашлычница?) (3—4), рог оленя (5), необожженное глиняное ядро для пращи (6), точила (8) — из помещения № 6; железный нож (7) — помещение № 3 (верхний строительный горизонт).

1, 2] и Афрасиаба [21, с. 280, рис. 3, 17, 74]. В Хорезме они обнаружены в нижних слоях Хазараспа и Койкырган-калы [6, с. 179, рис. 13, 10—20; 8, с. 316, табл. 3, рис. 33—36].

Красноангобированные фляги, выпуклые стороны которых украшались концентрическими окружностями, находят аналоги в нижнем горизонте Койкырган-калы [8, табл. 2, рис. 3, 4].

Подставка-шашлычница в виде усеченной пирамиды, увенчанной сверху двумя направленными в разные стороны головками животных. Подставки более простой формы в виде усеченной трехгранной призмы известны в Хорезме еще для архаического времени [22, с. 142], они найдены в нижних слоях Койкырган-калы [8, рис. 50].

Миниатюрный столик найден на нижнем полу первого горизонта. Имеет форму вытянутого прямоугольника. Длина — 20 см, ширина — 8, высота — 6 см. Изготовлен грубо, глина с примесью шамота промешана плохо. Покрит светло-кремовым ангобом (рис. 10, 2). Аналогичные изделия на других памятниках Хорезма неизвестны.

Лепная керамика

Горшки (рис. 11, 1—5, 9—11) имеют шаровидное тулово, покатые плечики, прямую горловину без венчика или со слегка отогнутым наружу краем.

Найден целый горшок с шаровидным туловом, скругленным дном. Высота — 8,7 см, диаметр горла — 8, толщина стенок — 4,5 см. Изготовлен из плохо промешанной формовочной массы с примесью шамота. Имеются горшки меньших размеров (рис. 11, 2, 4). Высота — 6,5 см, диаметр горла — 6 см. К верхней части тулова прикреплена ручка. Эти сосуды напоминают некоторые сарматские горшки из могильников Нижнего Поволжья [23, с. 174, рис. 1].

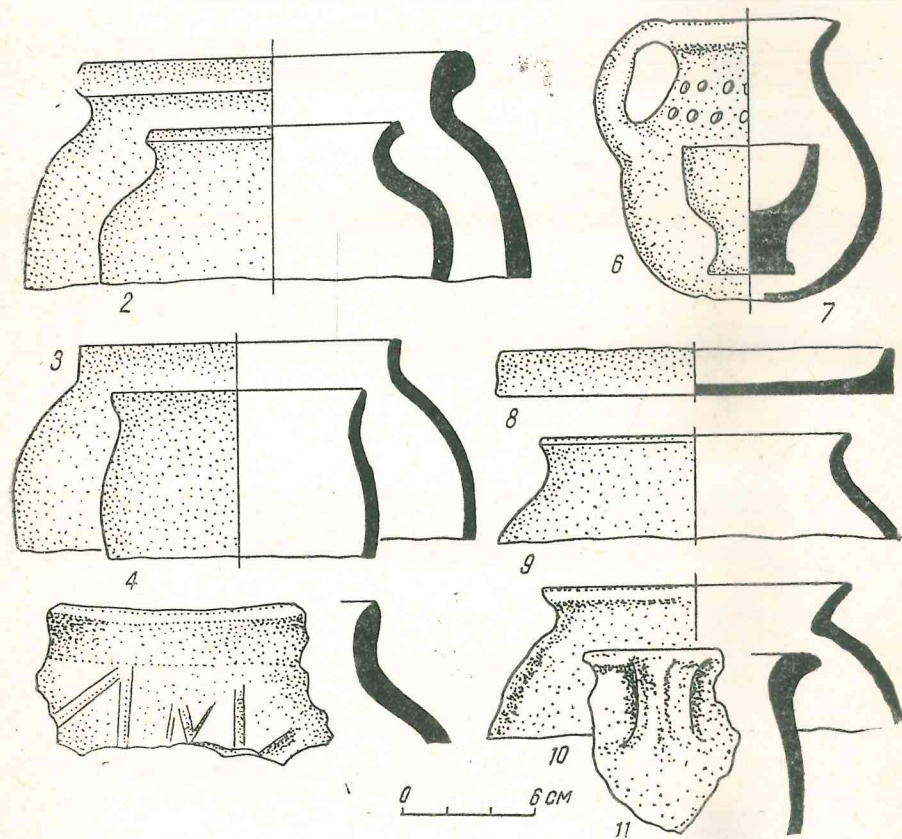


Рис. 11. Лепная керамика:

горшки (1—5) — помещения № 4, 5; кружка (6) — помещение № 6; курильница (7) — помещение № 6; сковородка (8) — помещение № 5; горшки (9—11) — помещение № 6.

Кружки с округлыми стенками, с кольцеобразными ручками на тулове (рис. 11, 6). Высота — 14,5 см, диаметр устья — 7 см. Плечико украшено двумя рядами пунсонного орнамента. Имеются кружки, плечики которых украшены насечками.

Сковороды немногочисленны. Диаметр 32—40 см, высота стенок 2—3 см. Стенки прямые или слегка расходящиеся кверху (рис. 11, 7). На дне видны следы песчаной подсыпки. Эти изделия могли служить для переноски горячих углей и обогрева помещений и, возможно, для выпечки лепешек.

Все описанные сосуды по форме и способу украшения находят аналоги в материалах из нижнего горизонта Хазараспа, Калалы-гыра I, Койкырган-калы и датируются концом V—III в. до н. э.

В целом керамический материал с нижних полов позволяет сделать вывод о возведении крепости в конце V—III вв. до н. э.

Предметы быта

На раскопках городища кроме керамики найдено много различных предметов, которыми, несомненно, пользовались жители Топрак-калы в быту.

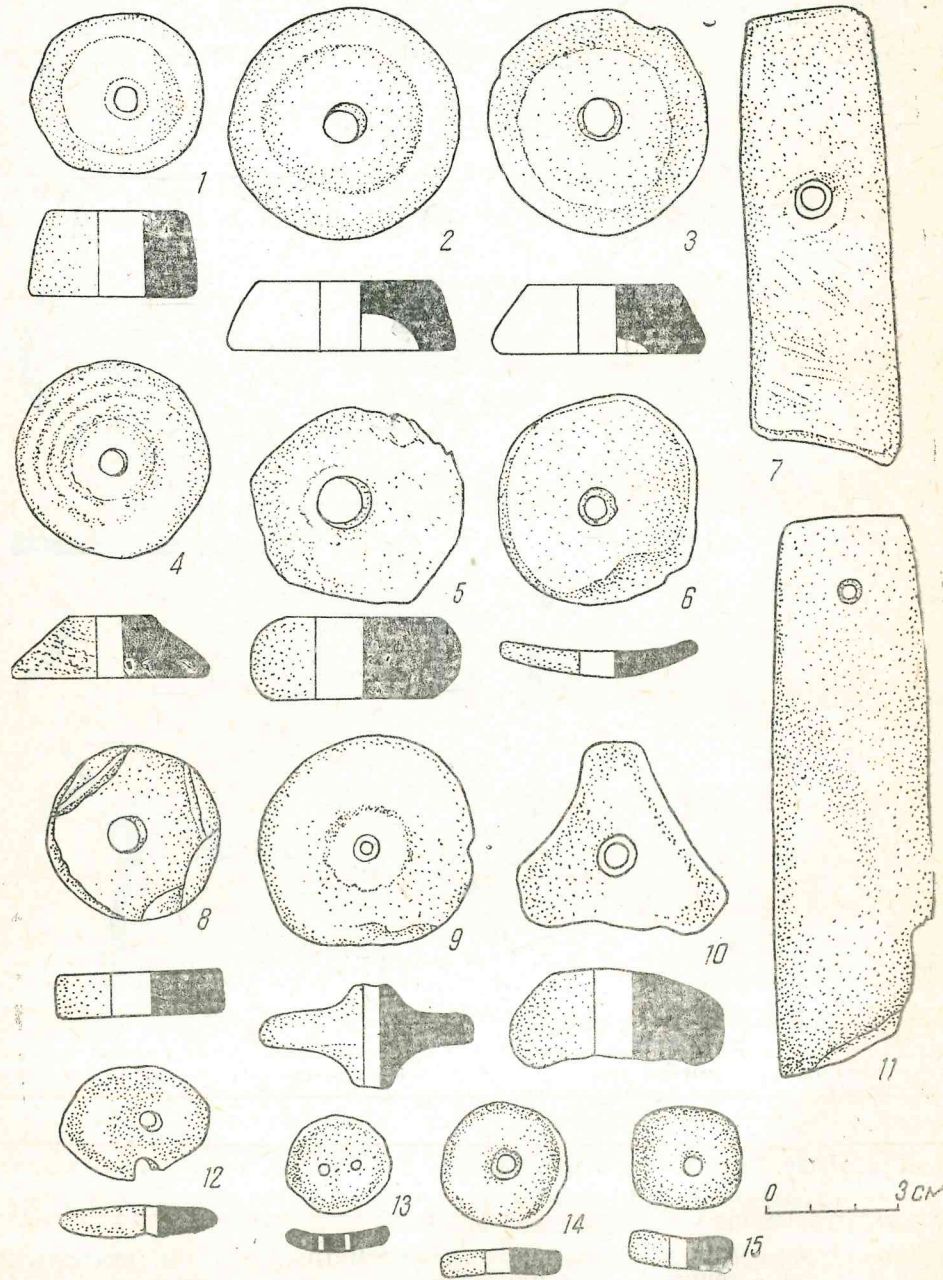


Рис. 12. Пряслица и оселки:

керамические пряслица (1—3, 6, 8, 10)—помещения № 1, 3, 6; серый мрамор (4)—помещение № 5; пряслица (5, 14—15)—помещения № 1—3; оселки (7, 11), колесо (9)—помещение № 3 (верхний строительный горизонт); пуговицы (12—13)—помещение № 5.

Пряслица (рис. 12, 1—6, 8, 10), выточенные из черепков гончарной посуды, имели дисковидную и треугольную формы (рис. 12,

10). Не исключено, что часть поделок, по форме и размерам причисляемая нами к этой категории вещей, в действительности могла служить и для иных целей. Так, керамические пряслица, выточенные из



Рис. 13. Терракоты нижнего строительного горизонта (1, 3—4, 6)—помещения № 4—6; терракоты верхнего строительного горизонта (2, 5, 7)—помещения № 2, 3; терракотовые изображения животных (8—12)—помещения № 4—6.

ножек бокалов, могли использоваться в качестве грузиков для ткацкого станка, некоторые — служить пуговицами (рис. 12, 13).

Оселки и точильные камни. Оселок из серого глинистого сланца продолговато-прямоугольной формы, в сечении подпрямо-

угольный, концы срезаны прямо. Отверстие для подвешивания образовано двусторонним сверлением (рис. 12, 7, 11).

Имеется целый экземпляр точильного бруска из глинистого сланца с длинным закругленным концом, квадратный в сечении. Длина — 40 см, ширина — 5,5 см.

Фрагменты зернотерок многочисленны. Они делались всегда из песчаника и имели ладьевидную форму. Рабочая поверхность зернотерок была обычно вогнутой, иногда с высоко поднятыми концами, реже — почти плоской. Нижняя поверхность — чаще выпуклая, необработанная.

Терки в основном шаровидные или приближающиеся по форме к кубу. Диаметр их колеблется от 4 до 6 см. Встречены два ядра для пращи из необожженной глины.

Костяные изделия немногочисленны и представлены узкими стержнями с полированной поверхностью. Как правило, один их конец заострен, второй просто уплощен.

В помещении № 6 найден рог оленя, узкий конец которого сработан, на широком сохранились следы срезов.

Статуэтки. В слоях нижнего горизонта обнаружены разнообразные терракотовые статуэтки, которые можно разделить на две группы: антропоморфные и зооморфные.

К первой группе относятся четыре статуэтки.

Голова богини (рис. 13, 1). Лицо широкое, с округлым подбородком. Брови дугообразные. Глаза миндалевидные, прямого разреза, с набухшими веками. Глазные яблоки выпуклые, зрачок не обозначен. Переносица узкая, высокая, нос небольшой, внизу широкий. Небольшой рот помещен близко к носу, углы пухлых губ чуть приподняты. Волосы зачесаны за уши, в которые вдеты тяжелые колоколовидные серьги. Короткая шея украшена четырьмя рядами бус. На голове — мягкий головной убор с обручем (диадемой), украшенным тремя г-видными изображениями. Крайние напоминают фигурки животных (грифонов). Высота статуэтки — 4,1 см, ширина — 3,1 см, толщина — 3 см.

Очень интересна терракотовая, покрытая красным ангобом фигурка женщины в длинном гладком платье, имеющая с лицевой стороны вид полуколонны, плоская сзади (рис. 13, 4). Голова у статуэтки отсутствует. Ладонь правой руки, согнутой в локте, лежит на груди. Левая полусогнута и прижата к животу. По бокам статуэтка подстругана ножом. Высота ее — 10,4 см, ширина — 3,4—4,1, толщина — 2,4 см. Фигурка типологически сходна с терракотовой статуэткой из Койкрылган-калы [8, с. 338, табл. XXV, 1]. По общему облику и отдельным элементам орнамента она может быть сопоставлена с некоторыми переднеазиатскими изображениями. Колоннообразные терракоты известны в ассиро-вавилонском и малоазийском центрах [8, с. 212]. Обычно эти фигурки связываются с идеей воплощения божества в стволе дерева, что не лишено оснований, так как обожествление дерева было характерно для многих народов мира.

Согласно якутской мифологии, в дереве живет Аан-Алахчин-Хатун — богиня деторождения [24, с. 84]. Архаическая форма шаманского поклонения дереву сохранилась у арауканцев в Южной Америке. Арауканские шаманы (machi) выходят замуж за священное дерево (sapelo) во время посвящения шаманского дерева — лестницы (geule). В древнем Китае с мировым деревом связывается образ Хэ-Хэ — матери Солнца [25, с. 72]. В австралийских мифах Солнце — это дедушка, поднявшаяся по дереву на небо. Жена мифического героя Вавушана тоже поднялась на небо по дереву [26, с. 7, 22]. В прошлом у памирских таджиков бытовал обычай почитания домашнего деревянного порога, а также центрального столба в помещении, именовавшегося «царским» (шасатан, шокастин). Если в доме никого не было, то именно к нему входящий обращался с приветствием [27, с. 77; 28,

с. 44]. Культ «царского» столба особенно ярко проявлялся в дни празднования Нового года, в торжественный день первой пахоты и в первый день жатвы [27, с. 77]. К мусульманскому Новому году — Навруз (у памирских таджиков — Шогунни боор) — на стены и столбы-колонны, прежде всего на шасатан, на высоте 100—120 см от пола наносились рисунки бобовой мукой. При этом столб-колонну поздравляли с Новым годом: «Шогунни боор Мубарак!» (Поздравляем с весенним праздником!). Муку горстями бросали на стены, получая определенные изображения [27, с. 77—78].

Поклонялись священному дереву и хорезмийцы, судя по найденным на Койкрылган-кале и Хумбузтепе фрагментам фляг с рельефами, на которых изображены священное дерево и стоящие перед ним в геральдической позе две газели — деревья с почками-листьями [8, с. 202, рис. 75, 2], а также священная роща [8, с. 202, рис. 75, 1, 3]. К домусульманскому культу деревьев, к идее магического «улавливания душ», в них обитающих, восходит существовавший в Хорезме обычай бездетных женщин обнимать священные деревья, растущие при мазарах, привязывать к веткам кусочки ткани, мазать себя древесным соком и т. д. [29, с. 269]. Культ деревьев проявлялся в том, что ветви плодового дерева считались источниками силы, дарующей плодородие [28, с. 69].

Два фрагмента статуэток женщин, задрапированных в покрывало, найдены около очага помещения № 6 (образ женского божества, видимо, был наиболее популярен в Хорезме, так как в коллекции хорезмийских терракот множество различных вариантов подобных статуэток). Описываемые фигурки уцелели лишь от пояса и ниже (рис. 13, 3, 6). Они идентичны: плоские, с невысоким рельефом деталей. Край покрывала обозначен кривой рельефной линией. Из-под платья выступают носки туфель. Аналогичная терракотовая статуэтка была найдена С. П. Толстовым при исследовании Джанбас-калы и отнесена к IV—II вв. до н. э. [18, табл. 72, 6, 7]. Подобные им фигурки обнаружены в слоях нижнего горизонта Койкрылган-калы [8, с. 340, табл. 27, 20—21]. Факт нахождения статуэток около очага свидетельствует о существовании культа домашнего очага. Поклонение очагу должно было способствовать благополучию семьи и приумножению ее богатства.

Находки зооморфных статуэток немногочисленны. Терракоты изображают лошадей (рис. 13, 8—12). Сохранились, в основном туловища, части головы и шеи.

Голова лошади (рис. 13, 11). Черепок розового цвета. Шея тонкая и длинная. Рот открыт как при наличии удила. Лошадь, по-видимому, изображена в момент резкой остановки, о чем свидетельствует характерный рисунок нижней губы. Ноздри слегка раздуты. Уши отбиты.

Другая фигурка лошади изготовлена из высококачественной глины красного цвета, покрытой красным ангобом. Голова лошади с рельефными надбровными бугорками и торчащими ушами имеет слегка горбоносый профиль с резко выступающими скуловыми гребнями. Тщательно смоделированная, плавно изогнутая высокая грива подстрижена (рис. 13, 9).

Еще одна фигурка лошади представлена обломками туловища (рис. 13, 12). Покрыта красным ангобом. На крупе начерчен знак в виде птичьей лапы.

Керамика верхнего горизонта

Представлена венчиками и стенками различных сосудов.

Хумы. По-прежнему существуют те же крупные грушевидные формы с округлым в сечении венчиком, снаружи покрытые светлым ангобом (рис. 14, 2, 3). Получили распространение крупные толсто-

стенные (2—3 см) сосуды бочонковидной формы с венчиком, лежащим непосредственно на плечиках (рис. 14, 1, 6). Венчик уплощенный, реже выпуклый, вытянутый валик, от тулова отделен неглубокой горизонтальной бороздкой. Снаружи хумы покрывались красным ангобом, поверх которого красной краской наносились спирали; венчик

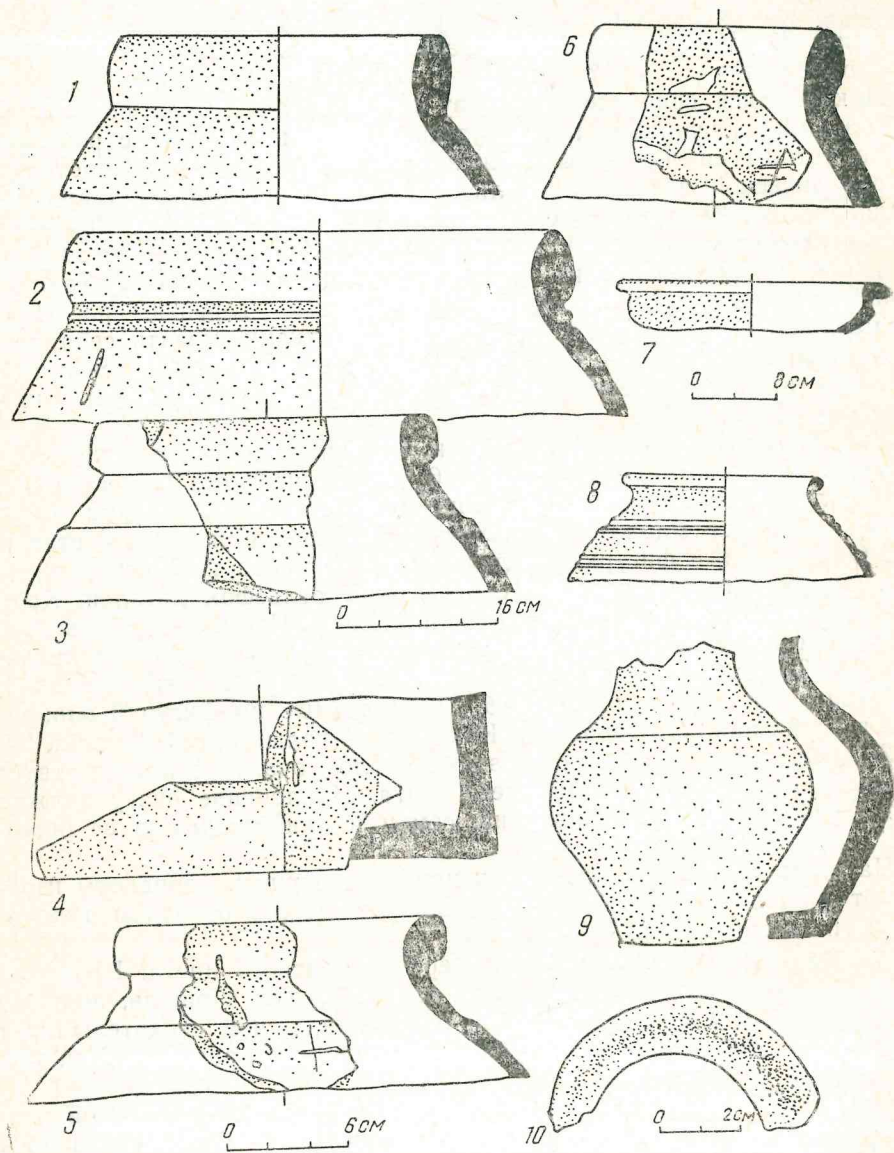


Рис. 14. Керамика верхнего строительного горизонта:

хумы (1—3, 6) — помещения № 2, 3; курильница (4); хумчи (5, 8) — из помещения № 3; миска (7); кувшин (9), амулет (кость) (10) — из помещения № 1.

иногда тоже окрашивался (рис. 14, 3). Обжиг равномерный, черепок красноватый. Описанные сосуды по форме и технике изготовления находят себе аналоги в керамике Хорезма II в. до н. э.—III в. н. э. [17, с. 127, рис. 27, 31, 32; 8, с. 321, табл. 8, рис. 12, 15; 30, с. 74, рис. 39, 36, 37].

Хумчи, судя по фрагментам, имели горшковидную форму. Большинство хумчей почти с круглым в сечении венчиком, менее четок валик под ним (рис. 15, 1—2). Глиняное тесто, из которого изготовлены

сосуды, очень тщательно вымешано. Видимые примеси отсутствуют. Диаметр горла описываемых хумчей 16—32 см, толщина стенки 1,0—1,3 см. Встречены фрагменты четырехугольных в сечении венчиков, покрытых красным ангобом (рис. 15, 1—3).

Горшки представлены небольшими фрагментами стенок. По форме венчика различаются две разновидности.

1. С круглым в сечении валикообразным венчиком (рис. 14, 8; 15, 8). Диаметр устья 12—16 см, толщина стенки 0,8—0,9 см. Снару-

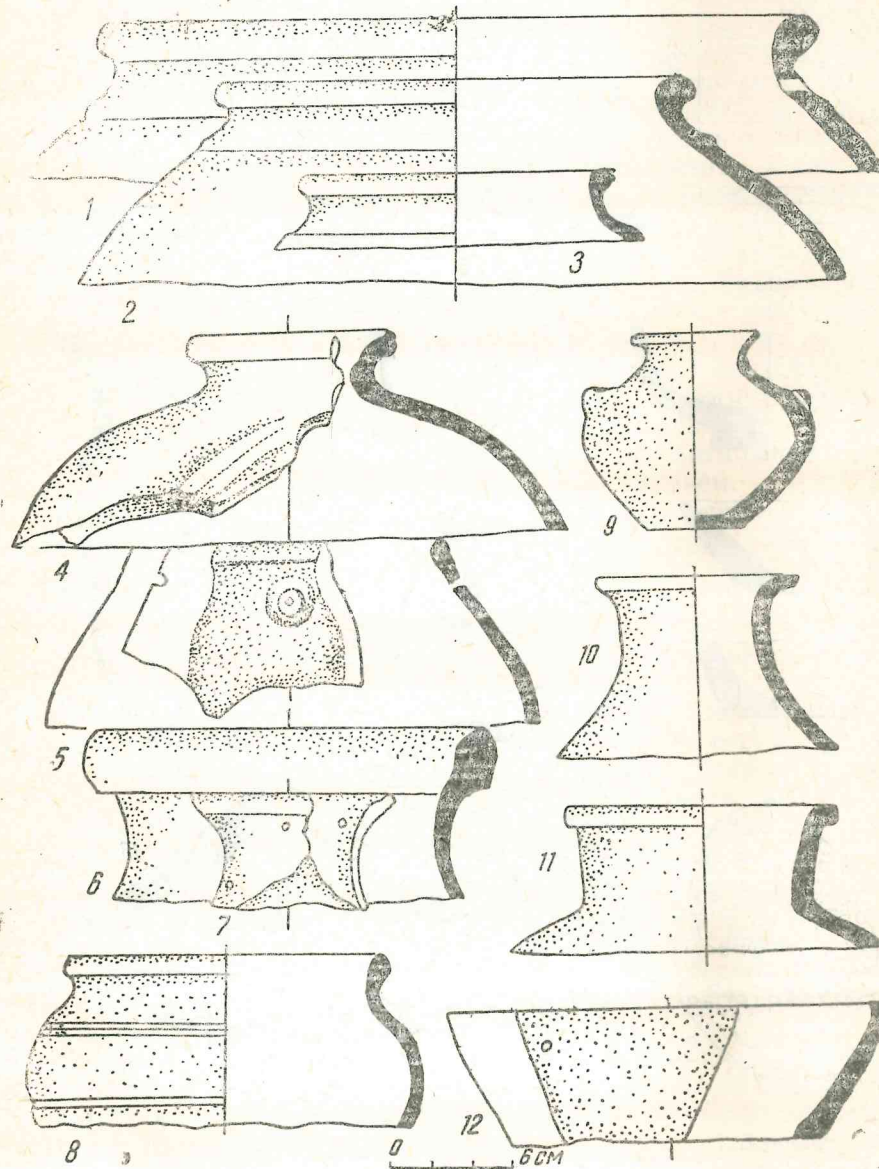


Рис. 15. Керамика:

хумчи (1—3) — помещение № 3; фляга (4) — кв/А—6; горшки (5, 8, 9) — помещения № 2, 3; кувшины (6, 7, 10, 11) — помещения № 1, 2; таз (12) — помещение № 3.

жи покрыты светлым ангобом, которым закрашивался и край горла изнутри.

2. С несколько суживающейся или прямой горловиной, чуть утолщенной закраиной. Край горла иногда слегка наклонен наружу (рис. 15, 5). Диаметр устья 13—18 см, толщина стенки 0,8—0,9 см.

Наружная поверхность покрыта светлым ангобом. На плечиках многих экземпляров есть круглые отверстия (2—4). Отверстия часто оформлены дисковидным налепом. Описанные сосуды относятся к числу широко известных типов керамики античного Хорезма. Они имеются в коллекциях Топрак-калы [30, с. 76, рис. 39, 9, 21, 22], Куня-Уаза [17,

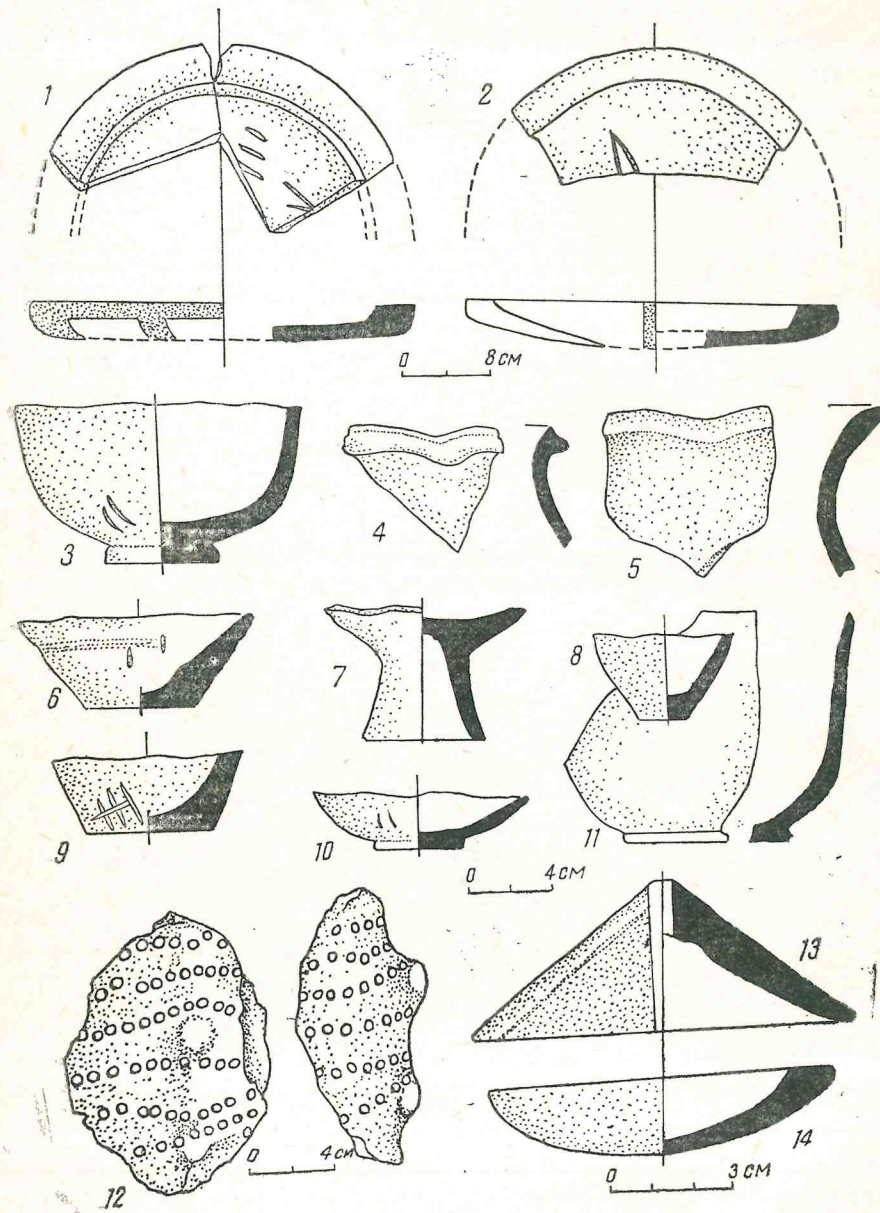


Рис. 16. Керамика:

блюдца (1—2) — помещение № 5 (нижний строительный горизонт); чаши (3, 6, 9—11) — помещение № 2, 3; кувшины (4—5), ваза (7), бокал (8), фрагменты керамических изделий (12), крышка (13), блюдца (14) — из помещений № 1, 2.

с. 158, рис. 35, 31] и Койкрылган-калы [8, с. 321, табл. 8, рис. 28, 29].

Кувшины представлены фрагментами венчиков и стенок.

1. Большинство кувшинов с высоким горлом, переходящим в округлое тулово, и со слегка утолщенным отвернутым наружу венчиком (рис. 15, 6, 11). Диаметр устья 8—12 см, высота горла 3,5—4,2 см, толщина стенки 0,4—1,2 см. В глину добавлен шамот. Снаружи по-

крыты светлым ангобом. Описанные кувшины находят аналоги в материалах Куня-Уаза [17, с. 147, рис. 32, 4]. Много таких сосудов найдено в доме № 4 Джанбаскалинского оазиса, датирующемся I—II вв. [13, с. 30, рис. 11, 5].

2. Другим распространенным видом сосудов в верхнем горизонте памятника являлись кувшины с подтреугольным в сечении венчиком (рис. 15, 7, 10). Диаметр по краю горла — 12 см, высота горла 4—5 см, толщина стенки 0,8—1 см. Снаружи покрыты красным ангобом. По форме кувшины аналогичны сосудам из среднего и верхнего горизонта Койкрылган-калы [8, с. 322, табл. 9, рис. 34], а также Топрак-калы в слоях II горизонта [30, с. 84, рис. 43, 12—14].

Встречены два фрагмента венчика эйнохоевидного кувшина, сделанного из тонкоотмученного теста, покрытого темно-красным ангобом. На кувшине с подтреугольным в сечении венчиком выделен носик-слив (рис. 16, 4, 5). Схожий с ним кувшин найден в Топрак-кале [30, с. 84, рис. 43, 38]. Подобные сосуды обнаружены в слоях II—III вв. в Мерве [31, с. 130, рис. 5, 1], в верхнем слое Жигатепе в Северном Афганистане [32, с. 82, рис. 19, 27] и во втором слое II—III вв. н. э. в Беграме [33, Р. III, 29; Р. IV, 66]. Фрагменты кувшинов типа эйнохой встречаются изредка в слоях Афрасиаб II. Позднее, в переходный период к Афрасиабу III, число эйнохой, как отмечает Г. В. Шишкина, увеличивается [34, с. 35, 37, рис. 4, 1, 24].

Чаши — небольшие, глубокие, кубкообразные и полусферические сосуды, покрытые красным ангобом. Край иногда изогнут и утолщен. Дно плоское или на дисковидном поддоне — преобладает последнее (рис. 16, 3, 6, 9—11). Диаметр устья 11—16 см, возможная глубина 6—10 см. Плечико сосуда иногда подчеркнуто валиком.

Миски, как и чаши, преимущественно полусферической формы. Различаются две разновидности: с отогнутым наружу краем, образующим горизонтальную площадку по бережку (рис. 14, 7), и с простым скругленным краем, чуть загнутым внутрь (рис. 15, 12). Диаметр по краю 21—25 см, толщина стенок 1,0—1,1 см. Такие сосуды имеются в слоях среднего и верхнего горизонта Койкрылган-калы [8, с. 323, табл. 9, рис. 69, 70, 79, 80].

Тазы представлены фрагментами стенок. Они довольно велики: диаметр по краю 47—55 см, толщина стенки 2 см. У сосудов со слабо выделенным венчиком бережок обычно округлен. Встречены тазы с более массивными, выступающими наружу венчиками. Поверхность светлоангобированная, венчик окрашен красной краской.

Бокалы. Найдено несколько экземпляров этой категории сосудов. Они глубокие, с массивной нижней частью. Покрыты красным ангобом. Многие украшены по тулову полосчатым лощением (рис. 16, 8).

Крышки. Встречены два фрагмента высоких, конической формы крышек (рис. 16, 13). Диаметр основания в среднем равен 14—22 см, высота 4—6 см. В центре их делалось отверстие для выхода пара или доступа воздуха в сосуд.

Фляги — красноангобированные, выпуклая сторона украшалась концентрическими окружностями (рис. 15, 4). Аналогичные крупные фляги найдены в средних и верхних слоях Койкрылган-калы [8, с. 321, табл. 8, рис. 31; табл. 10, рис. 102].

Блюда (рис. 17, 2) известны по небольшим фрагментам. По форме они почти одинаковые. Диаметр их 34—40 см, толщина стенки 1,6—1,8 см. Край невысокий — не более 3—4 см. Покрыты светлым ангобом. Аналоги известны из среднего и верхнего горизонта Койкрылган-калы [8, с. 323, табл. 9, рис. 54—55].

Курильницы имеют конусовидную форму с плоским дном (рис. 14, 4). Диаметр дна 22—24 см, толщина стенок 3,5—3,9 см. В нижней части стенок на равном расстоянии друг от друга имеются стреловидные отверстия. Снаружи покрыты светлым ангобом.

Среди особых керамических форм отметим основания массивных, полых внутри подставок. Они имеют плотный красноватый черепок, покрыты красным ангобом. На стенках — прорезные крестообразные и прямоугольные отверстия (рис. 17, 1), основания расширены (диаметр 40 см). По своему назначению сосуды этого рода являлись курильницами или подставками для жертвенников. Подобного рода сосуды найдены на многих памятниках Средней Азии: в позднепарфянских слоях Гяур-калы в Старом Мерве (II—III вв.), на раскопках

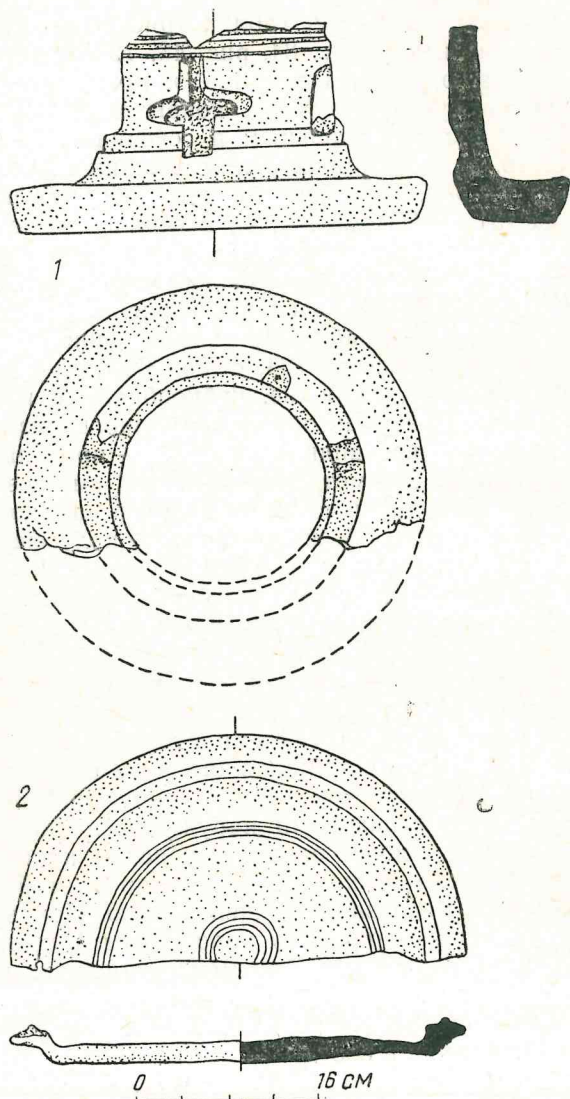


Рис. 17. Керамическая подставка (курильница?) (1), блюда (2) — помещение № 3.

Жигатепе (II—III вв.) в Северном Афганистане [32, с. 82, рис. 19, 39, 40], на Дальверзинтепе (I в. до н. э. — I в. н. э.) [35, с. 134, рис. 95, 3, 5] и на раскопках Балалыктепе на юге Узбекистана [36, с. 70, рис. 48].

Миниатюрный керамический желоб П-образной в сечении формы найден в помещении № 2. Длина — 25 см, высота — 5 см, ширина — 4,7 см. Снаружи украшен прочерченной волнистой линией. Черепок в изломе темно-бурый (рис. 10, 1). Сходные желоба были найдены на Чильпыке [37, с. 53, рис. 3, 1].

Лепная керамика

Горшки. В слоях верхнего горизонта их фрагменты количественно преобладают (рис. 18, 1—8). Отмечены горшки с рыхлым и плотным черепком с известковой примесью. Корпус обычно округлый, горловина высотой 2—3 см, более или менее круто отогнутая наружу.

Светильники двух типов: на высоком узком поддоне и на монолитной ножке (рис. 16, 7). Верхняя часть — чашевидная. Анало-

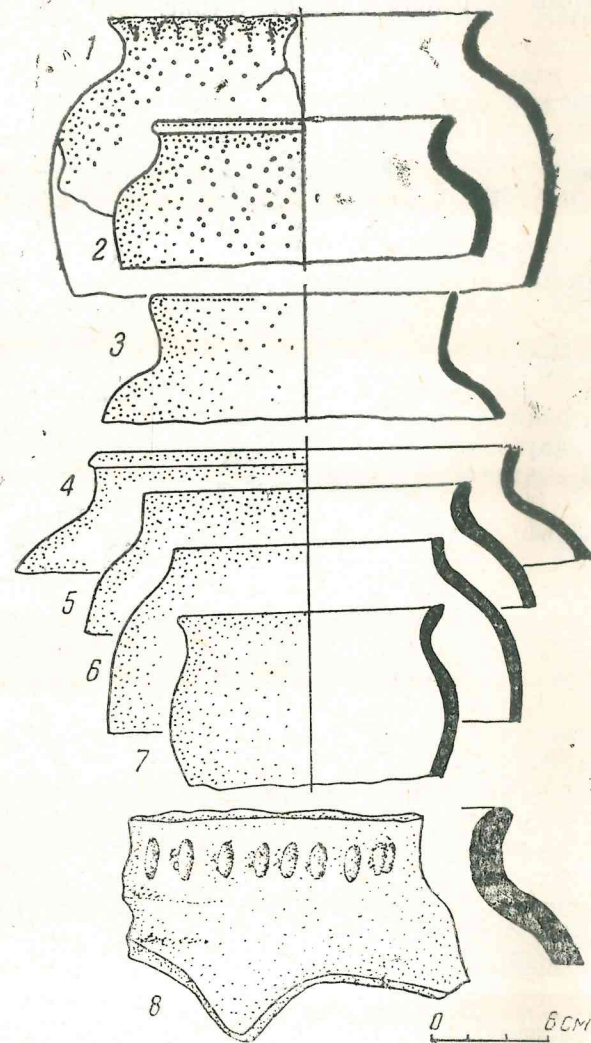


Рис. 18. Лепная керамика: горшки (1—4) — помещение № 2, (5—8) — помещение № 3.

гичные светильники найдены в слоях среднего и верхнего горизонтов Койкрылган-калы [8, с. 326, табл. II, рис. 27, 38, 39], есть они и в материалах Айбуйир-калы.

Набор керамики, находившейся в употреблении у жителей Топрак-калы в верхнем строительном горизонте, описанными видами сосудов не ограничивается. Часть фрагментов принадлежит каким-то еще не выявленным керамическим формам. Среди них имеются обломки изделий седлообразной формы, украшенных шестью рядами циркульных глазков (рис. 16, 12).

Описанная керамика, найденная на полах и в культурных слоях верхнего строительного горизонта, находит аналоги в материалах позднеантичного периода истории Хорезма и может быть датирована II в. до н. э.— III в. н. э.

Предметы быта

Пряслица изготовлялись из черепков гончарной посуды. Имели дисковидную или усеченноконическую форму. Найденны одна пряслице сегментовидной формы из серого мрамора и пара пряслиц такой же формы из белого алебаstra (рис. 19, 1—7).

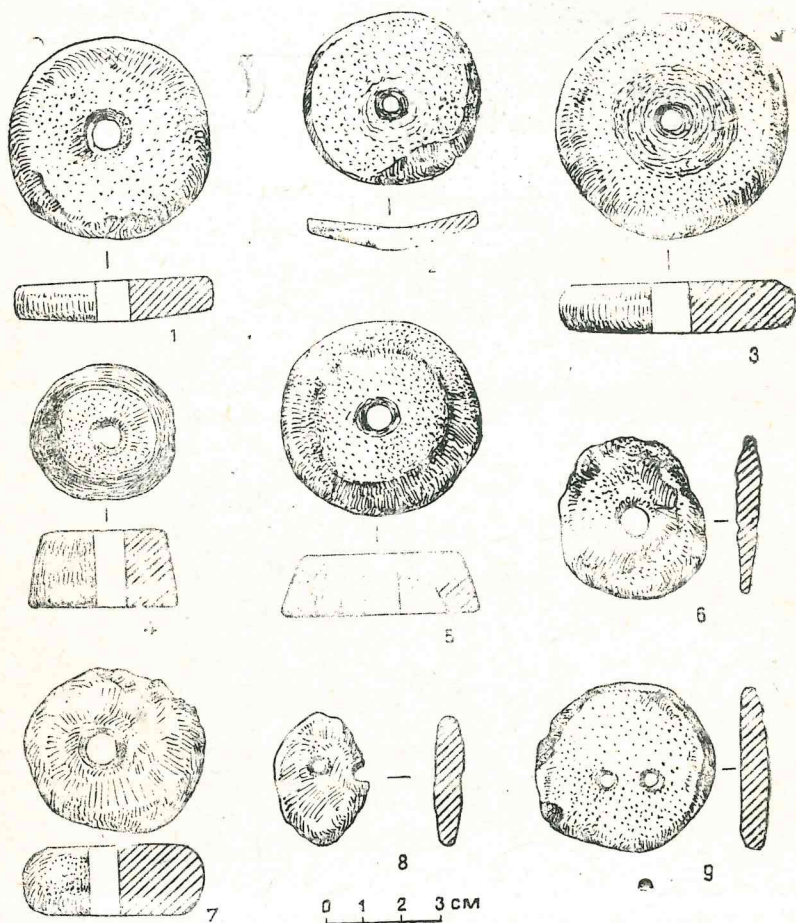


Рис. 19. Пряслица (1—7) и пуговицы (8—9) — помещения № 2, 3.

Пуговицы также изготовлялись из черепков гончарной посуды и из серого мрамора. Имели дисковидную форму (рис. 19, 8, 9).

Миниатюрное колесо сферической формы с коническими выступами на верхней и нижней плоскостях. Диаметр — 10 см, толщина — 1 см, диаметр отверстия — 1 см. Покрыто красным ангобом (рис. 12, 9).

Туалетный кувшинчик (флакон). Снаружи покрыт темно-красным ангобом. Черепок в изломе — сероватого цвета. У него грушевидное тулово на плоском донце; горлышко, верхняя часть которого отбита, узкое. Высота сохранившейся части сосуда 6,5 см, диаметр тулова — 6,2 см, диаметр дна — 2,5 см (рис. 14, 9).

Каменные сосуды. Встречены два фрагмента круглых блюд из серого мрамора. Подобные изделия были широко распространены в древнем Хорезме. Фрагменты их найдены в нижних и верхних слоях

Койкрылган-калы, в подъемном материале с городищ Левобережного Хорезма: Гяур-калы № 2, Акча-Гелина, Айбуйира, Куня-Уаза, из окрестностей Шах-Санема. Фрагмент блюда из серого камня был найден на городище Кей-Кобадшах в Кобаданском оазисе в Таджикистане.

Зернотерки изготовлены из серого камня-песчаника. Имеют ладьевидную форму, рабочая поверхность слегка вогнута.

Терочки имеют вид округлых или дисковидных камней, некоторые из них, вероятно, изготовлены из обломков зернотерок.

Оселки имеют вид округлых или прямоугольных брусков с отверстием для подвешивания.

Печать-амулет найдена в помещении № 5. Изготовлена из серой глины и имеет форму усеченной пирамиды с восемью углубленными точками на основании (рис. 9, 13). Печать имела сквозное отверстие для подвешивания. Высота 2,1 см, размеры нижней плоскости 2,5×2,7 см.

Керамическая бусина имеет шаровидную форму, изготовлена из слабообожженной сероватой глины. Диаметр 3 см, высота 3 см, диаметр отверстия 8 мм.

Ножи имеют форму длинной пластинки, сужающейся к концу, с отогнутым вверх лезвием. Длина 7,5 см, ширина 1,5 см, толщина спинки 0,3 см (рис. 10, 7). Назначение ножей было, вероятно, универсальным.

Статуэтки. Найден фрагмент статуэтки, изображающей обнаженную женщину (рис. 13, 7). Сохранилась только средняя часть туловища с сильно развитыми бедрами и выпуклым животом. Судя по положению излома, ноги сомкнуты. На сильно истертой поверхности сохранились следы розовой краски. Высота фрагмента — 5 см, ширина — 5,5 см.

Аналогичны обнаженные фигурки из Джанбас-калы [12, табл. 74], датирующиеся III в. н. э. Изображения обнаженных или полуобнаженных богинь характерны для всех историко-культурных областей Средней Азии, где существовала традиция изготовления культовых статуэток [38, с. 120—123; 39, с. 11—29; 40, с. 188]. Символизирующие женское начало, они играли определенную роль при совершении различных обрядов, связанных с культом плодородия.

Другая статуэтка (рис. 13, 5) изготовлена из тонкоотмученной глины. Сохранилась только ее верхняя часть. Лицо широкое. Нос с высокой узкой переносицей, внизу широкий. Глаза миндалевидные. Рот небольшой, с пухлыми губами; подбородок округлый. Шея высокая, полная. На шее шесть рядов бус. Одежда состоит из наброшенного на плечи длинного покрывала. Поверхность статуэтки покрыта красным ангобом. Высота ее 6,8 см, ширина — 4,3 см, толщина — 2,8 см. По типу лица, головному убору и шейному украшению она близка терракотам, найденным в окрестностях Койкрылган-калы и датирующимся IV—III вв. до н. э. [41, с. 137, рис. 1, 6].

Голова следующей терракотовой фигурки — явно бракованный отиск, подправленный после выемки из формы (рис. 13, 2). Траптовкой лица и головным убором она сходна с головой вышеописанной фигурки. Лицо широкое, продолговатое. Глаза большие, дуговидные брови намечены нечетко. Рот с пухлыми губами расположен близко к носу.

Таким образом, в поздних слоях памятника выявлены два иконографических типа: статуэтка женщины с наброшенным на голову покрывалом и обнаженная богиня. Судя по аналогам, последний тип существовал на протяжении всего античного периода истории Хорезма. На универсальность образа богини плодородия и его традиционность в искусстве народов Востока, в том числе и Средней Азии, указывали различные исследователи [39, с. 9, 10; 15, с. 218; 40, с. 140; 42, с. 120]. Другие виды терракотовых статуэток свидетельствуют о существовании в древнем Хорезме культа нескольких женских божеств

с близкими функциями, имена которых пока назвать трудно [43, с. 193].

Уникальны найденные здесь парные глиняные статуэтки животных (рис. 20, 1—2). Одна из них изображает коня (рис. 20, 2). Фигурка изготовлена из красноватого цвета глины хорошего обжига, снаружи нанесен красный ангоб. Размеры: длина — 11 см, высота — 7 см. Головка лошади с рельефными надбровными бугорками и торчащими ушами имеет слегка горбоносый профиль с резко выдающимися скуловыми гребнями. Тщательно смоделированная, плавно изогнутая грива имеет выстрижку между ушей, образующую конической формы невысокий султан. Короткий хвост имеет форму треугольника, обращенного вершиной вниз. Прямые ноги раздвинуты в стороны для ус-

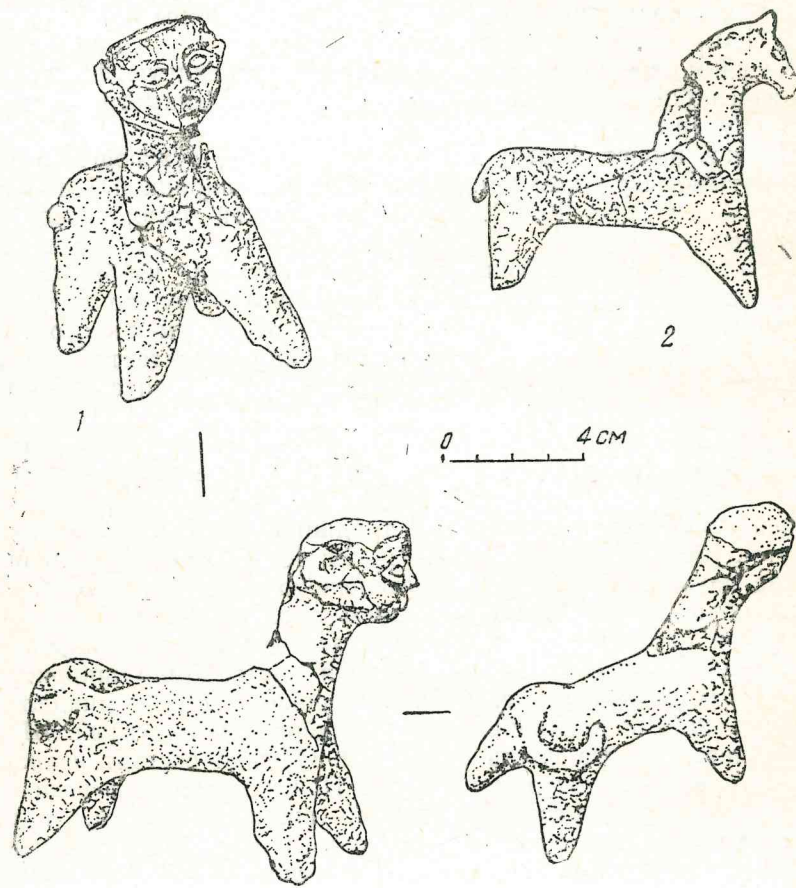


Рис. 20. Терракотовые статуэтки животных:
Гопатшах (1) и фигурка коня (2) — помещение № 3.

тойчивости. Нет следов упряжи или прикрепления фигуры всадника. Имеется продольный паз на животе. Назначение его неясно, возможно, он делается на статуэтках, требовавших укрепления в определенном положении. Такие статуэтки лошадей с пазом вдоль живота найдены в среднем горизонте Койкрылган-калы и в ее окрестностях [8, табл. XXXI, 61]. Статуэтка выполнена с незаурядным мастерством, изображает она, по-видимому, породистую лошадь, отдаленно напоминающую знаменитых ахалтекинских скакунов.

Терракотовые статуэтки лошадей с коническим султаном между ушами известны с поселения Алтын-депе (III—II тысячелетия до н. э.) [44, с. 114, рис. 1].

Характерной стрижкой гривы и наличием султана наши статуэтки напоминают изображения голов лошадей, украшенных веерообразными «плюмажами», реже — конической формы султанами, на многочисленных ассирийских рельефах [45, с. 90].

Конь и всадник были излюбленным мотивом в искусстве многих народов древности. Статуэтки коней мы находим в материалах Хорезма IV в. до н. э.— IV в. н. э. Чтобы понять, какой смысл в древности вкладывался в эти изображения, следует вспомнить о культе коня, существующем на протяжении всего античного периода у древних индоиранских племен и хорезмийцев. Он, безусловно, был связан с древними ариями — достаточно вспомнить жертвоприношения коня Индре ашвамедхи в Ригведе [24, с. 103], сожжение головы коня в царских погребениях хеттов [24, с. 119], посвящения белых коней у древних персов Митре, у греков — Гелиосу, Equus Octoler в Риме [24, с. 119]. Во всех случаях жертвоприношение коня посвящено Богу Солнца. По мнению специалистов, изображение коня и всадника олицетворяло в странах Востока культ солнца, астральный культ [12, с. 202; 47, с. 29—40, 45].

Статуэтка (рис. 20, 1) с туловищем быка и лицом человека имеет длину 10,6 см, высоту — 8 см. Головка выполнена очень тщательно. Шея длинная и круглая. Лицо широкое; брови длинные, приподнятые. Глаза большие, прямого разреза, миндалевидные, широко раскрытые; веки моделированы рельефно; углы глаз проработаны реалистично; глазные яблоки выпуклые, зрачок не обозначен. Переносица узкая, высокая; короткий курносый нос внизу широкий. Небольшой рот помещен близко к носу; углы пухлых губ чуть приподняты. Округлый подбородок местами оббит. Головной убор заканчивается на висках двумя крутыми, чуть выступающими завитками наподобие рогов барана или быка. Длинный хвост загнут на правый бок. Прямые ноги раздвинуты в стороны для устойчивости. Фигурка изготовлена из красновато-розовой глины. Обжиг хороший, ангоб красный. Заметен продольный паз на животе. Изображение гибридного существа в материалах Хорезма ранее не встречалось.

Следует отметить белокаменную капитель, найденную в горах Султануиздага [48, с. 42; 49, рис. 1]. Ее массивная прямоугольная абака покоится на двух сросшихся, обращенных в разные стороны полиморфных фигурах — лежащих животных с подогнутыми ногами и с головами бородатых мужей. Лица бесстрастные, с выпуклыми глазами без зрачков, правильными чертами и заостренной бородой. Надо лбом — головной убор и повязка, от которой к щекам изгибаются бычьи рога.

Некоторое сходство султануиздагской капители с топрак-калинской терракотой очевидно. В обоих случаях древние мастера изображали полиморфное существо, персонаж хорезмийской мифологии — бородатого человеко-быка. Поэтому их можно отнести приблизительно к одному и тому же времени: II в. до н. э.— II в. н. э.

За пределами Хорезма изображение человеко-быка обнаружено на обломке крупного сосуда с городища Тали-Барзу [50; 51, табл. 1]. К. В. Тревер датирует сосуд с процарапанным рисунком доахеменидским временем, но, к сожалению, не указывает, в каком слое найден черепок. При интерпретации находки К. В. Тревер обратилась к авестийским текстам, в которых и обнаружила название гибридного существа — Гопатшах. Значение имени в трактовке К. В. Тревер — «царь-пастух» [51, с. 71—87].

От изображения иранского Гопатшаха в виде крылатого быка с человеческой головой в короне или повязке талибарзуйский рисунок и наша терракота отличаются отсутствием короны и крыльев [51, с. 71].

Ранее изображения этих фантастических существ встречались в памятниках стран Передней Азии. Достаточно назвать охранителей

дворцовых входов Ассирии IX—VIII вв. до н. э. — крылатых быков с человеческими головами [52, р. 198, 199, 220, 221], сфинксов из Хеттского Зенджирли (Сакчегезу) или Каркемиша того же времени [53, с. 36, рис. 6].

Изображения Гопатшаха в Иране относятся к различным периодам. В VI—V вв. до н. э. крылатые быки с человеческими бороатыми головами стояли на страже Персепольского дворца ахеменидского царя Ксеркса и дворца Кира в Пасаргадах. Бронзовые изваяния Гопатшаха украшали трон урартских владык. Фигурка крылатого быка с человеческой головой украшает золотой перстень-печатка из Амударьинского клада. VII в. н. э. датируется изображением Гопатшаха на халцедоновой печати из Пенджикента [54, с. 484, рис. 1].

О Гопатшахе (Гайомарте), покровителе скота и воды, повествуют мифы древней священной книги зороастрийцев Авесты. В Вендидаде — жреческом зороастрийском кодексе, содержащем правила ритуального очищения, — есть миф о сотворении мира и создании верховным божеством Ахура Маздой первого быка и первого человека Гайомарта. Согласно мифу, сотворение мира продолжалось три тысячи лет. Все это время шла жестокая борьба добрых, созидających, и злых, разрушающих сил. В этой борьбе из-за козней злого божества и Ахримана (противостоящего доброму божеству Ахура Мазде) бык и Гайомарт гибнут. Из тела быка выросли 55 видов зерна и 12 лечебных растений, а из его семени — корова и бык, от которых произошли 272 вида полезных животных. Гайомарт дал начало человеческому роду [51, с. 81; 12, с. 304—307]. В зороастрийском календаре 14-й день каждого месяца был посвящен авестийскому божеству — Gaus-Gāuš почитания Быка [55, с. 330]. От его имени произошли хорезмийское слово awst — «день», средне- и новоперсидское qōšt, qušt — «мясо» [55, с. 331].

Культе Гопатшаха — Гайомарта родствен индоиранскому культу Митры. Согласно легенде, Митра был рожден скалой и воспитан пастухом. Он совершил ряд подвигов: боролся с солнцем, поймал громадного первозданного быка и заколол его золотым мечом. Из крови быка выросли культурные растения.

Центральное место во многих древних религиях стран Востока, особенно там, где земледелие основано на орошении, занимает образ быка, связанный с культурами плодородия, растительности, воды.

Большой Бундахиши и ряд других источников указывают на Айрьянем-Вэджо у берегов реки Дайтии как на место пребывания Гайомарта. В авестийском мифе именно на берегу Дайтии (по мнению К. В. Тревер, р. Заравшан; по нашим данным, несомненно, р. Амударья) Гопатшах наблюдает за быком Ходайаш.

Точная локализация Айрьянем-Вэджо пока является предметом дискуссии, но достаточно твердо установлен факт, что он находится на территории Средней Азии. И. Маркварт, В. В. Бартольд, С. П. Толстов Айрьянем-Вэджо отождествляют с Хорезмом. В пользу этой гипотезы свидетельствуют находки изображений гибридного существа с городища Топрак-кала и капители в горах Султануиздага.

В 120 км к северу от Топрак-калы находится бугор — святилище Джумарт-кассаб. Джумарт-кассаб, «щедрый мясник», может быть сопоставлен с Гайомардом зороастрийских источников, упоминаемым в Авесте под именем Гайа Маретан — популярной пехлевийской формой этого имени было Гемурд [56, с. 91].

С. П. Толстов связывает памятники Левобережного Хорезма: Джумарт-кассаб на Мазлумханслу и кладбище у Джумуртау — с образом первого авестийского человека («человек-бык» — по К. В. Тревер), Гайомарда или Гаюмарса, жившего в Айрьянем-Вэджо на берегу Дайтии.

В хорезмийских легендах, содержащих исключительно ценный материал для характеристики верований, с быком связывается история

заселения тех или иных местностей Хорезма, освоения урочищ, возникновения городов и селений [29, с. 313—315]. Пережитки, порожденные культом быка, сохранились в топонимике Хорезма. Интересно в этом плане название озера Гауик, расположенного в 4 км к северу от Хивы, в прошлом являвшегося местом паломничества. Слово «Гауик» (основу которого составляет иранское «гау» — бык) с хорезмийским суффиксом прилагательного «ik» можно перевести как «бычье», «сделанное быком» [29, с. 315] или «бычий источник».

В X в. один из магистральных каналов Хорезма назывался Гаухоре (Гавхорэ). Этим каналом орошался «рустак до столицы Хорезма» [57, с. 138; 58, с. 165]. С. П. Толстов отождествляет Гаухоре с нынешним Шураханским каналом [12, с. 46], Я. Г. Гулямов — с Бузьябом [51, с. 137].

Слово «Гаухоре» истолковывается Истахри как персидско-таджикское название, которое, по его мнению, дословно означает «пища коров».

В названии Гаухоре — в начальном варианте Гау — можно видеть персидское «Гау» — Gav — бык (корова), скот, стойбище скота (ср. авест Gāuš — бык, тюркский окуз — бык), вторая часть слова «Х(в)оре-зм» [57, с. 138]. По нашему мнению, Гаухоре — название определенного населенного пункта древнего Хорезма, славившегося богатыми пастбищами, стадами, полноводными каналами. Пасшиеся здесь стада рогатого скота дали этой местности название, восходящее к местному тотему [51, с. 96].

Интересно отметить, что образ мифологического существа в IV—V вв. н. э. проник из Средней Азии к тюркским племенам Сибири. Об этом свидетельствует резная каменная печать, обнаруженная на поселении в устье р. Унги, около г. Балаганска (ныне затопленного водами Братского моря). На ней изображен крылатый бык с царской короной на голове [59, с. 23—24] — Гопатшах, покровитель пастухов, владыка пастбищ и домашнего скота.

Знаки

Большинство знаков нанесено до обжига палочкой или ножом (рис. 21) на стенках в придонной части сосуда, на дне, на плечиках. Часть знаков встречена на крышках, на блюдах, на терракотах.

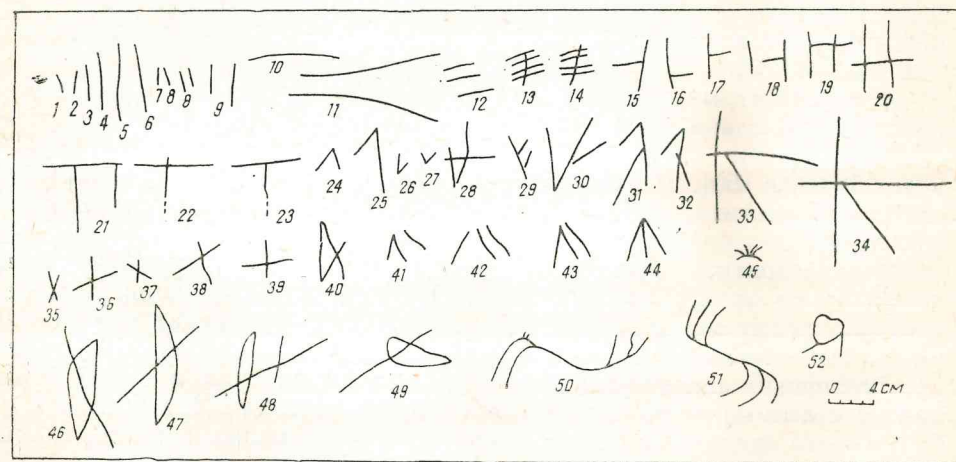


Рис. 21. Знаки на керамике.

Интересно отметить, что из 50 обнаруженных видов знаков на сосудах исследуемого памятника 27 почти полностью совпадают со

знаками на керамике поселения Хумбузтепе. Известно, что Хумбузтепе, расположенное в 120 км к востоку от Топрак-калы, являлось одним из основных гончарных центров Южного Хорезма VI в. до н. э.—IV в. н. э. Население Топрак-калы вполне могло использовать продукцию хумбузтепинских гончаров.

Дискуссия о назначении клейм возникла давно и продолжается до сих пор. Не исключено, что знаки имели и символическое, и практическое значение. Знаки, имевшие символическое значение, давали возможность отличить продукцию одного гончара от изделий других мастеров. В Средней Азии, например, женщины еще в недавнее время, закладывая сосуды для обжига в печь, метили крестами только крайние в ряду горшки. Так легче было производить подсчет, а клеймо защищало знаком весь ряд.

К настоящему времени накопилось значительное количество посуды со знаками с различных по возрасту памятников античного Хорезма, которые требуют специального исследования.

Обследование городища устанавливает два четко выраженных периода подъема в его истории, прослеживающихся и по остаткам ряда планировок, и по керамическим материалам.

Первый период — конец V—III вв. до н. э. — характеризуется возведением крепостных стен с полуовальными башнями по периметру. Планировка городища была радиальной. Городище опоясывает со всех сторон выносная (барьерная) стена.

Второй период — II в. до н. э.—III в. н. э. В это время произведены небольшие перестройки — обрывки стены этого периода сохранились местами. Цокольная часть крепости укреплена у основания пахсовой обкладкой, сохранившейся на высоту более 2 м.

Несомненно, что в течение двух периодов памятник оставался укрепленным пунктом. Наличие мощной стены (толщиной 14 м) с 24 овальными башнями, широкого рва и выносных стен указывает на приспособленность его к обороне. Запустение Топрак-калы относится к концу III в. Позже его территория уже никогда не обживалась. Причины этого — в кризисе и крушении рабовладельческой системы, на обломках которой зародилась новая общественная формация.

Памятник интересен своей формой, указывающей, как мы полагаем, на какое-то особое его назначение. Круглые городища античного времени в Хорезме очень редки: два расположены в правобережной части Амударьи (Койкрылган-кала, Малый Кырк-кыз), одно — в левобережной части (Топрак-кала). Такую же планировку имел крупнейший аспасиакский город Чирикрат в дельте Сырдарьи [60, с. 140—141, рис. 74, 75].

Существует мнение, что круг или прямоугольник с закругленными углами в плане города переняты с военных лагерей, подобных тем, что изображены на ассирийских рельефах [61, с. 136; 62, с. 118, рис. 15; 63, с. 50]. Происхождение подобного плана Г. А. Кошеленко связывает также с кочевническими приемами укрепления лагерей [63, с. 53].

Маловероятно, чтобы хорезмийцы заимствовали подобный план поселения из архитектуры Ассирии. Планировочный принцип, в основе которого лежат вписанные один в другой круг и квадрат или круг и крест, был широко распространен с эпохи бронзы как на территории протогородских цивилизаций юга Средней Азии, так и степей Приаралья и дельтовых протоков Сырдарьи [60, с. 133—134; 64, с. 30, 34]. Обычно его связывают с космогоническими воззрениями и огнепоклонничеством индоиранских племен [60, с. 133—134; 8, с. 227, 228; 65, с. 129—130]. Таковы планировки храмового сооружения эпохи бронзы Дашлы-3 и двух меньших по размеру построек ахеменидского времени — Кутлугтепе и Атчапар [64, с. 35—38, рис. 11; с. 118—121], а так-

же крупного хорошо укрепленного города эпохи ахеменидов Алтын-дильяр [66, с. 10—13, рис. 10].

К греко-бактрийскому и кушанскому периодам относятся крупный укрепленный город в Емшитепе и городище Жигатепе в Северном Афганистане [66, с. 18, рис. 14; 32, с. 63]. Несмотря на близость к упомянутым памятникам древнебактрийской архитектуры общих архитектурных форм хорезмийских городов (Койкрылган-калы, Топрак-калы и др.), археологический материал не дает оснований для их синхронизации.

Хотя между древнебактрийскими и раннехорезмийскими памятниками существует большой хронологический и территориальный разрыв, истоки планировочных принципов крепости Койкрылган-калы и Топрак-калы, очевидно, восходят к круглым в плане сооружениям типа зданий Дашлы-3, Кутлугтепе и т. д. [67, с. 157; 35]. Очевидно, архитектура построек Койкрылган-калы и Топрак-калы — результат влияния древних строительных традиций населения низовьев Сырдарьи и культуры юга, наслонившихся на местное хорезмийское зодчество.

Археологические исследования памятника в 1979—1980 гг. не дали материалов для окончательного решения вопроса о его функциональном назначении. Имеющиеся данные позволяют высказать некоторые предположения.

Основным формирующим фактором сооружений, безусловно, явилось целевое назначение, связанное с солярными, космогоническими идеями, органически присущими всем древнеземледельческим обществам.

Архитектурную особенность Топрак-калы составляла круговая внушительная стена со множеством полуовальных башен. В центре городища находилось незастроенное пространство. Круглое в плане городище напоминает священное кольцо, а башни — расходящиеся лучи солнца.

Хорошо известно, что колесо (как и некоторые другие символы) является одним из наиболее распространенных символов, обозначающих солнце [68, с. 125—157]. В самом деле, солнце, от восхода до заката совершающее зримое людям движение по небосводу, похоже на колесо с лучами-спицами [69, с. 62].

Судя по той роли, которую играл огонь, а также по общему архитектурному принципу, это мог быть храм солнца (огня), так как сооружения в виде круга имели сакральное значение у многих народов мира [64, с. 39].

В зороастрийских ритуалах огонь играет роль [70, с. 39] «высшей, всепроникающей, всеочищающей стихии», является воплощением Арты (Правды), одного из древнейших понятий ариев, ассоциирующегося с Верховным богом — богом добра, света и правды — Ахура-Маздой [71, с. 35].

Религии и культы хорезмийцев, массагетов и саков были очень похожи. Солнечное божество (Митра?), по выражению Геродота, считалось «владыкою массагетов». Геродот писал: «Из богов массагеты чтут только солнце, которому приносят в жертву лошадей. Смысл жертвы этой является то, что быстрейшему из всех богов подобает быстрейшее животное» [46, с. 28]. Напомним также свидетельство Страбона о сако-массагетской принадлежности хорезмийцев [46, с. 23]. Поэтому крестообразная (Койкрылган-кала) и круглая (Топрак-кала) планировки хорезмийских городов в дельте Амударьи могут быть связаны с солярным культом.

Храмы, посвященные солнцу, как сообщают письменные источники, существовали в разных частях Средней Азии, в том числе в Хорезме [72, с. 131—133]. Недаром этимология слова «Хорезм» трактуется как «Земля солнца» [73, с. 80].

Подтверждение широчайшему распространению солнечного культа дает семантика орнамента керамики Хорезма этого времени [74,

с. 78, рис. 6]. Пятиконечная звезда в круге, рисунок с сосуда, найденного на Топрак-кале, несомненно изображает солнце. Сходный план, как отмечено выше, имеет и сам памятник.

На многих сосудах наряду с солнечными символами мы видим спираль — символ воды и водной стихии Ардвисуры Анахиты. Отметим также, что в Хорезме и, в частности, здесь найдено примерно равное число терракотовых статуэток, изображающих, согласно установившемуся мнению, Анахиту, и фигурок коней, которые, очевидно, связаны с почитанием солнца. Поскольку солнце, как свидетельствует Геродот (1, 216), было единственным божеством массагетов, вероятно, что символ его положен в основу плана храмовых сооружений. То, что план культовых сооружений часто определялся религиозными, нередко астральными символами — факт общеизвестный [8, с. 228].

В этой связи любопытно отметить, что в источниках IX—XIV вв. в топонимике Южного Хорезма встречается название средневекового города Ардахушмисан. Развалины городища Военган, расположенного в 3 км к северу от Топрак-калы, по письменным, топографическим и археологическим данным отождествляются с этим городом [57, с. 144; 60, с. 92].

Впервые этимологией названия «Ардахушмисан» заинтересовался в конце прошлого века Т. Нелдеке, высказавший предположение, что первая его часть, «Арсахуш», вероятно, является сочетанием авестийского арта («чистый») и персидского хуш («хороший») с кратким гласным вместо долгого [72, с. 154]. Ф. Юсти в первой части названия видит хорезмийское имя собственное и соответственно этимологизирует его как «место жительства (хорезмийца) Арсахуша» [72, с. 132]. Анализируя этимологию топонима «Ардахушмисан», О. И. Смирнова в нем видит не имя человека, владевшего с. Ардахушмисаном, а имя божества — авестийского Арта Вахишта [72, с. 132].

Авестийское «Арта Вахишта» (Arta Vahišta — Ašahe Vahišahe) переводится как божество лучшей Арты (праведности и космического порядка) [55, с. 325; 72, с. 132]. В Авесте оно выступает в двух значениях: как понятие религиозное и как персонифицирующее это понятие божество, его божественная ипостась.

Авестийскому Арта Вахиште, как известно, был посвящен второй месяц и третий день зороастрийского календаря [55, с. 325, 326; 72, с. 132]. В Согде, как и в Иране, соответственно этому календарю, Арте Вахиште также был посвящен третий день второго месяца согдийского календаря, а в Хорезме — не только третий день, но и второй месяц хорезмийского календарного года, считавшийся временем расцвета растительного мира, олицетворяемого этим божеством [72, с. 132]. Таким образом, божество «лучшей праведности» почиталось не только персами в Иране, но и их северо-восточными соседями: хорезмийцами и согдийцами. Оно было хранителем законов Ормузда (Ахурамазды) в небесной обители, а на земле — хранителем священного огня. Бируни именует Артахушта «ангелом огня и божественного света» (малик аннар ва-н-нур) [72, с. 133].

Согласно зороастрийской традиции, храмовым праздничным днем считался день, название которого совпадало с названием месяца, и, следовательно, в Хорезме храмовый праздник Арта Вахишты должен был проводиться в третий день второго месяца хорезмийского календарного года, т. е. в весеннее время [72, с. 133].

Анализ этимологии названия хорезмийского средневекового города Арсахушман — «обитель (божества) лучшей праведности» — позволяет говорить о том, что если не в самой Топрак-кале, то в ее округе существовал храм, посвященный авестийскому божеству Арта Вахиште (хорезмийскому Арсахушу). Насколько верно это предположение, судить трудно, так как письменных данных или изобразительных и скульптурных аналогов, подтверждающих такую идентификацию,

пока нет. Какими были храмовые монументальные изображения Арта Вахишты, также сказать трудно. Обнаруженные терракотовые статуэтки женщин из двух слоев Топрак-калы по иконографическим признакам относятся к трем группам. Наоборот, обнаружение нескольких иконографических типов этих статуэток свидетельствует о существовании в античный период в религии Хорезма богинь, имена которых пока неизвестны.

Топрак-кала, несомненно, была крупным культовым центром, возможно, храмом открытого типа, связанным с культом солнца, куда в дни праздников стекались люди. Идея доступности для всех, идея крупного культового центра отвечала круглая форма плана и свободная от застройки центральная часть городища. В таком храмовом комплексе могла храниться статуя Гопатшаха — покровителя и охранителя вод, орошения, владыки пастбищ и домашнего скота. Отметим, что в правобережной части Хорезма почти одновременно с Топрак-калой существовало культовое сооружение Койкрылган-кала, которое исследователи определяют как укрепленный храм-гробницу. Топрак-кала была, очевидно, храмом, связанным с культом небесных светил.

Хотя оборонительные системы Койкрылган-калы и Топрак-калы не идентичны, черты общности этих памятников очевидны: круглый план, наличие полуовальных башен, строительные материалы, фрагменты культовых сосудов и др.

Некоторое сходство Топрак-калы имеет с городищем Жигатепе, расположенным в Северном Афганистане, первый период которого относится к III в. до н. э. [32, с. 75]. Жигатепе тоже был храмом, связанным с каким-то древнебактрийским культом, возможно, с культом небесных светил. Строители этих памятников придерживались традиционной в Средней Азии композиционной архитектурной схемы.

Разнообразные материалы, полученные при исследовании городища Топрак-калы, ставят многие интересные проблемы, не всегда разрешимые. Наши наблюдения еще предварительны, а некоторые предположения, изложенные в статье, возможно решить лишь при широком исследовании памятника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстов С. П., Жданко Т. А., Итина М. И. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958—1960 гг.—МХЭ, вып. 6, М., 1963.
2. Мамбетуллаев М., Юсупов Н. Археологические работы Хорезмской области.—АО—1973. М., 1974.
3. Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг.—ТХАЭЭ, т. 2. М., 1958.
4. Мамбетуллаев М., Манылов Ю. П. Топрак-кала — крепостное сооружение древнего Хорезма.—ОНУ, 1977, № 3.
5. Гудкова А. В. Ток-кала. Ташкент, 1964.
6. Воробьева М. Г., Лапиров-Скобло М. С., Неразик Е. Е. Археологические работы в Хазараспе в 1958—1960 гг.—МХЭ, вып. 6.
7. Лапиров-Скобло М. С. Новый памятник фортификации древнего Хорезма.—АО—1968. М., 1969.
8. Койкрылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э.—IV в. н. э.—ТХАЭЭ, т. 5, М., 1964.
9. Тургунов Б. А. Приемы фортификации античного Чаганиана.—СА, 1968, № 1.
10. Пугаченкова Г. А. Искусство Бактрии эпохи Кушан. М., 1979.
11. Огородников В. Фортификация древнего Хорезма.—ВИЖ, 1950, № 5.
12. Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.
13. Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.).—ТХАЭЭ, т. 9, М., 1976.
14. Воронина В. Л. Раннесредневековый город Средней Азии.—СА, 1959, № 1.
15. Пугаченкова Г. А. Халчян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент, 1966.
16. Тургунов Б. А. Дом богатого домовладельца.—В кн.: Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
17. Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода.—ТХАЭЭ, т. 4, 1955.

18. Воробьева М. Г. Изображение львов на ручках сосудов из Хорезма.— КСИЭ АН СССР, вып. 30, М., 1958.
19. Заднепровский Ю. А. Археологические работы в Южной Киргизии в 1954 г.— Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. 4, Фрунзе, 1961.
20. Некрасова Е. Г., Пугаченкова Г. А. Керамика Дальверзинтепе.— В кн.: Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана.
21. Шишкина Г. В. Материалы первых веков до нашей эры из раскопок на северо-западе Афрасиаба.— В кн.: Афрасиаб, вып. 1, Ташкент, 1969.
22. Воробьева М. Г. Дингильдже. Усадьба I тыс. до н. э. в древнем Хорезме.— МХЭ, вып. 9, М., 1979.
23. Смирнов К. Ф. Курильницы и туалетные сосудики азиатской Сарматии.— В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
24. Иванов В. В. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от Аśṭa «Конь».— В кн.: Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М., 1974.
25. Юань Кэ. Мифы древнего Китая. М., 1955.
26. Мифы и сказки Австралии. М., 1965.
27. Мухиддинов И. Обычай и обряды памирских таджиков, связанные с жилищем. Конец XIX — начало XX вв.— СЭ, 1982, № 2.
28. Брагинский И. С. Из истории таджикской народной поэзии. М., 1956.
29. Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.
30. Городище Топрак-кала (раскопки 1965—1975 гг.).— ТХАЭЭ, т. 12, 1981.
31. Рутковская Л. М. Парфянская керамика древнего Мерва.— СА, 1958, № 3.
32. Пугаченкова Г. А. Жига-тепе (раскопки 1974 г.).— В кн.: Древняя Бактрия (Материалы Советско-Афганской экспедиции), вып. 2, М., 1979.
33. Ghirshman R. Veqam. Saige, 1948.
34. Шишкина Г. В. Керамика конца IV—II вв. до н. э. (Афрасиаб II).— В кн.: Афрасиаб, вып. 3, Ташкент, 1974.
35. Пугаченкова Г. А. Кварталы керамистов (ДТ—3).— В кн.: Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана.
36. Альбаум Л. И. Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент, 1960.
37. Манылов Ю. П. Новые данные о погребальном обряде Хорезма первых веков нашей эры.— В кн.: Археологические исследования в Каракалпакии. Ташкент, 1981.
38. Пугаченкова Г. А. Коропластика древнего Мерва.— ТЮТАКЭ, т. 11, М., 1962.
39. Мешкерис В. А. Ранние терракоты Согда (К вопросу об истоках согдийской короластики).— В кн.: Искусство таджикского народа, вып. 3, Душанбе, 1965.
40. Пилипко В. Н. Женские культовые статуэтки с берегов Средней Амударьи.— СА, 1977, № 1.
41. Воробьева М. Г. Ранние терракоты древнего Хорезма.— В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
42. Пугаченкова Г. А. Маржанская богиня.— СА, 1959, № 29—30.
43. Воробьева М. Г. Хорезмийские терракоты.— В кн.: Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981.
44. Сариниди В. И. Статуэтки лошади с Алтын-депе.— В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
45. Ковалевская В. Б. Конь и всадник. М., 1977.
46. Древние авторы о Средней Азии (VI в. до н. э.— III в. н. э.). Хрестоматия под редакцией А. В. Баженова. Ташкент, 1940.
47. Кузьмина Е. Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов старого Света.— В кн.: Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977.
48. Манылов Ю. П. Мраморные архитектурные детали из Султануиздага.— СА, 1975, № 3.
49. Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Очерки искусства Средней Азии. Древность и средневековье. М., 1982.
50. Григорьев Г. В. Городище Тали-Барзу.— ТОВЭ, т. 2, Л., 1940.
51. Тревер К. В. Гопатшах — пастух-царь.— ТОВЭ, т. 2, Л., 1940.
52. Strommeuger E. Art of Mesopotamia. London, 1964.
53. Блэк В. Б. К вопросу об истоках скифо-сарматского звериного стиля.— В кн.: Скифо-сарматский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.
54. Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И. Работы в Пенджикенте.— АО—1981, М., 1982.
55. Лившиц В. А. «Зороастрийский» календарь.— В кн.: Бикерман Э. Хронология Древнего Мира. Ближний Восток и античность. М., 1975.
56. Кнорозов Ю. В. Мазар Шамун-наби (Некоторые пережитки домусульманских верований у народов Хорезмского оазиса).— СЭ, 1949, № 2.
57. Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957.

58. Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. Соч., т. 3, М., 1965.
59. Окладников А. П. Сибирская археология на современном этапе.— В кн.: Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979.
60. Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
61. Садаев Д. Ч. История древней Ассирии. М., 1979.
62. Тирациян Г. А. К вопросу о государственной структуре и топографии древнего Валаршапата.— Историко-филологический журнал, Ереван, 1977, № 2.
63. Кошеленко Г. А. Культура Парфии. М., 1966.
64. Сариниди В. И. Древние земледельцы Афганистана.— МСАЭ, 1969—1974 гг., М., 1977.
65. Лелеков А. А. К истолкованию погребального обряда в Тегискене.— СЭ, 1972, № 1.
66. Кругликова И. Т., Сариниди В. И. Пять лет работы Советско-Афганской археологической экспедиции.— МСАЭ, 1969—1973 гг., М., 1976.
67. Кругликова И. Т., Сариниди В. И. Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий.— СА, 1971, № 4.
68. Миллер А. А. Элементы «Небо» на вещественных памятниках. Из истории докапиталистических формаций (сб. статей к 45-летию научной деятельности Н. Я. Марра).— ИГАИМК, вып. 100, М.—Л., 1933.
69. Грач А. Д. Древние кочевники в Центре Азии. М., 1980.
70. История Ирана. М., 1977.
71. Бертельс Е. Э. История персидско-таджикской литературы. М., 1960.
72. Смирнова О. И. К вопросу о Среднеазиатских культах (о культах Артавахшты и Митры по данным топонимии).— СЭ, 1974, № 1.
73. Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948.
74. Рапопорт Ю. А. Хорезмийские астодоны (К истории религии Хорезма).— СЭ, 1962, № 4.
75. Мамбетуллаев М., Кдырнязов М.-Ш. Городище Военган.— В кн.: Археология Приаралья, вып. 1, Ташкент, 1982.

Г. ХОЖАНИЯЗОВ

КЗЫЛ-КАЛА

(работы 1981—1982 гг.)

Кзыл-кала расположена в 27 км к северу от города Беруни Берунийского района Каракалпакской АССР. Само название Кзыл-кала (Красная крепость), вероятно, происходит от цвета крепостной стены, сложенной из красноватой глины. Памятник впервые был открыт сотрудниками Хорезмской археологической экспедиции АН СССР под руководством С. П. Толстова в 1936 г., и тогда на основе подъемного материала был датирован I—IV вв. (кушанским периодом), VI—VIII (афригидским.— Г. Х.) и XII—XIII вв. (хорезмшахским.— Г. Х.) [1, с. 168].

В 1940 г. архитектор В. А. Лавров провел некоторые обмеры и снял схематический план крепости. Памятник им датирован «позднекушанским», «кушано-афригидским» и «афригидским» периодами [2, с. 27, 34, 62].

Изучавший древнюю ирригационную сеть данного района Я. Г. Гулямов счел возможным отнести памятник к «раннекушанскому» времени [3, с. 102]. Таким образом, крепость Кзыл-кала до последнего времени специально не исследовалась и, естественно, многие особенности ее остались не раскрытыми.

Автором настоящей статьи крепость осматривалась дважды. В 1981 г. проведены детальные архитектурные обмеры, снят план и собран подъемный материал, а в 1982 г. осуществлены рекогносцировочные раскопки [4, с. 471].

Крепость стоит на равнине и имеет форму, близкую квадрату размером 65×63,2 м (внешний размер), ориентирована углами по странам света (с отклонением северного угла к востоку, южного — к западу (рис. 1). Вокруг стены, возможно, был ров. Стены крепости сохранились довольно хорошо, в ряде мест они и сейчас возвышаются на 13—16 м (рис. 2).